

На правах рукописи

Сень Дмитрий Владимирович

**КАЗАЧЕСТВО ДОНА
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
В ОТНОШЕНИЯХ С МУСУЛЬМАНСКИМИ
ГОСУДАРСТВАМИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(вторая половина XVII в. – начало XIX в.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Ростов-на-Дону – 2009

Работа выполнена на кафедре специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Николай Александрович Мининков

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Игорь Олегович Тюменцев;

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Юрьевич Арапов;

доктор исторических наук, профессор
Касболат Фицевич Дзамихов

Ведущая организация: *Воронежский государственный университет*

Защита состоится «25» декабря 2009 г. в «___» ч. на заседании диссертационного совета Д 212.208.08 по историческим наукам при Южном федеральном университете по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105, ауд. 420.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ЮФУ по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148.

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

В. А. Сущенко

І. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тема выделяется в качестве самостоятельной внутри масштабного научного направления – казачеведение. На протяжении веков мусульманские государства Причерноморья, Крымское ханство и Османская империя активно контактировали с казачьими сообществами. Но не только военные столкновения сторон, включая историю «морской войны», составляют содержание этих отношений. Объем и уровень неконфронтационных практик контактов казаков с Гиреями и Османами существенно выходит за большинство имеющихся в науке трактовок отношений казаков с государствами «мусульманского мира». В этом, *во-первых*, автору видится один из аспектов актуальности темы работы.

Во-вторых, налицо расширение предметных исследований по таким вопросам казачьей истории, которым раньше в науке уделялось явно недостаточное внимание. Речь идет о таких сюжетах, как механизмы адаптации казаков в пограничье Дикого поля, их отношения с мусульманскими соседями. Ощущается недостаток работ о составе и происхождении некоторых групп донских казаков (тумы, донские татары), о внешних связях Войска Донского (включая связи с государствами Востока), порождающий историографические стереотипы. Напротив, абсолютизировались оценки российского влияния на развитие донского казачества, когда оно едва ли не целиком и полностью рассматривалось в сфере влияния российского геополитического и культурного пространства. Плодотворные усилия ученых оказались направлены на изучение связей донцов с «южнорусскими уездами», участие казаков в войнах России, в народных движениях на территории Российского государства. Отсюда – недооценка других факторов, влиявших на состояние донского казачества.

В-третьих, содержание и общая направленность исследования увязаны автором с необходимостью учета связи герменевтики источников с особенностями человека изучаемого времени, его системы ценностей и ментальности, исторических особенностей мышления. Это позволяет глубже понять отношение донского казачества ко времени и пространству, к традициям и повседневным практикам, к преодолению традиций и рождению нового опыта.

В-четвертых, необходимо преодоление противоречий «регионального подхода», в условиях которого история сообщества рассматривалась внутри одного региона. Между тем, его очертания, как правило, на деле

никогда не оставались неизменными, не всегда выступали препятствием казакам по переходу «границы миров». Таким образом, понимание истории донского казачества как истории сообщества в пространстве Донской земли может быть скорректировано.

В-пятых, актуальность темы видится в том, что предшествующая историография почти не обращала внимания на способность казачества к адаптации на территории соседних мусульманских государств и вхождения их в политическое пространство этих государств при сохранении традиционных основ казачьей службы как образа жизни и военно-хозяйственного быта. При возникновении альтернативы исторического выбора для казачества между Россией и соседними государствами мусульманского мира – Османской империей и Крымом – в предшествовавшей историографии почти не принималась во внимание возможность выбора части казаков в пользу мусульманских соседей, делавшегося при конкретно-исторических обстоятельствах.

Объект исследования представлен казачьими сообществами Дона и Северо-Западного Кавказа. В отдельных случаях – это разные по происхождению группы, в других – казаки, связанные общностью происхождения и религии. Речь идет о сообществах казаков, которые связали свою историческую судьбу с мусульманскими государствами Причерноморья, либо породивших, в свою очередь, сообщества, избравшие точно такой же путь. Особенности истории донского казачества послужили основанием для появления казаков на Северном Кавказе. Поэтому история Войска Донского рассматривается только с учетом цели и задач исследования. Кроме того, объектом исследования являются казачьи сообщества не только владений Гиреев на Кубани, но и казаки кумские и аграханские – донские по происхождению, большей частью пополнившие в конце XVII в. ряды кубанского казачества. Сообщество кубанских казаков XVIII в. представлено казаками-некрасовцами, крупнейшей частью Кубанского (ханского) казачьего войска. Наконец, в числе составных объекта исследования – казаки Черноморского казачьего войска и, выборочно, так называемые «турецкие запорожцы».

Предмет исследования – неконфронтационные практики отношений казаков с Крымским ханством и Османской империей в указанный период. Внутри периода эти практики имеют свои особенности. Объединяет их то, что, перерастающие в исторический опыт, они рассматриваются сквозь призму принятия казаками подданства мусульманским правите-

лям, приспособления к этому системы традиционных казачьих ценностей и готовности преодолевать сложившийся социальный опыт.

Логика исследования предполагает изучение процессов организации казаками на территории Крымского ханства, и в некоторых случаях на территории Османской империи, повседневной, религиозной, хозяйственной жизни. Это определяет необходимость учета ряда факторов – политики ханов и султанов в отношении казаков-христиан, реакции России, соседского окружения казаков, их военизированного образа жизни, религиозности, состояния семейно-брачных отношений, связей с другими казачьими и старообрядческими центрами и другими факторами.

Хронологические границы работы охватывают период второй половины XVII в. – начало XIX в. Со второй половины XVII в. интенсивно развиваются коллективные представления донских казаков о возможностях принципиально иных отношений с Крымом и Османской империей, включая принятие подданства. До этого времени такие отношения основывались в значительной степени на конфронтации. Под влиянием последствий Разинского восстания сложились предпосылки для пересмотра казаками взглядов на Крым и Османскую империю. Со второй половины XVII в. в Азов и Крым стали переходить отдельные казаки, а затем на рубеже 1680–1690-х гг. последовал массовый переход казаков-старообрядцев в крымское подданство. Ничего подобного ранее не наблюдалось. Таким образом, в основе выделения нижней границы – возникновение качественно нового явления в истории донского казачества.

Обоснование верхней границы связано с тем, что связи казаков с Османской империей не прерывались вплоть до падения в 1829 г. Анапы. В конце XVIII в. Анапа стала центром османских владений региона. Ее влияние, притяжение распространялось не только и не столько на общество некрасовцев, но и на казаков Черноморского казачьего войска, а также на «турецких запорожцев».

Географические рамки охватывают Донскую землю и территории Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа. Это определяется уходом донских казаков со второй половины XVII в. с Дона во владения крымских ханов на Кубани, а также на Куму и на Аграхань. Без экскурса в историю казачьих сообществ Северо-Восточного Кавказа достижение цели и задач, поставленных в диссертации, едва ли возможно. Геогра-

фия исследования представлена также Крымским полуостровом. Наконец, речь идет о различных территориях Османской империи – азовском, анапском санджаках. Отдельные сюжеты исследования связаны непосредственно с Анатолией, а также некоторыми другими территориями Румелии (Подунавье).

Историография темы насчитывает ограниченный круг исследований, непосредственно относящихся к основным вопросам, рассматриваемым в диссертации. Предметом отдельного монографического изучения эта тема до сих пор не выступала. С учетом такого состояния изученности темы представляется возможным отказаться от ее анализа в чисто хронологическом разрезе. Более обоснованным для анализа историографии видится проблемно-хронологический подход.

Обзор начинается обращением к трудам, которые служат прочными связующими звеньями между различными аспектами темы. Общие вопросы пограничного сотрудничества донских казаков с османским Азовом рассмотрены в произведениях В. Д. Сухорукова¹ и В. Г. Дружинина². Фундаментальная книга В. Д. Сухорукова – одно из самых значительных произведений дореволюционной историографии по истории Дона. В ней рассмотрены основные вопросы военной истории донского казачества до начала XVIII в., определявшейся характером его отношений с Россией, Крымским ханством и Османской империей. Особый интерес представляют приведенные Сухоруковым факты и их оценки относительно «азовского вектора» в истории донских казаков, включая такое малоизученное явление, как замирение и «розмирение» с Азовом. Также это относится к описанию операций казаков под Азовом, в Крыму и против османских крепостей Северо-Западного Кавказа. В. Г. Дружинин проанализировал некоторые военные операции Войска Донского против Азова и Крыма. Кроме того, он привел факты из области торгово-экономических связей донских казаков с Азовом, а также «обмена» сторон населением. В. Д. Смирнов сделал несколько важных замечаний о связи внешней политики Крымского ханства и Османской империи с попытками Гиреев и Османов решить «казачий вопрос». Он указывал на разное их отношение к донским и за-

¹ *Сухоруков В.* Историческое описание Земли Войска Донского / комментарии, дополнения, вступ. статья Н. С. Коршикова и В. Н. Королева. Ростов н/Д, 2001.

² *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.

порожским казакам³. Г. З Байер в своем труде по истории Азова⁴ уделил внимание донским казакам. Он подчеркивал, что их взаимоотношения с турецким Азовом строились на основе постоянной борьбы.

Труды Е. П. Савельева⁵ интересны обращением к проблеме преемственности между донским казачеством и ранее существовавшими азовскими казаками. Н. Л. Янчевский рассмотрел некоторые вопросы этнического состава донского казачества XVII в. и указал на ногайских и азовских казаков в качестве предшественников Войска Донского⁶.

В последние годы тема истории Азова в контексте проблем формирования населения Дикого поля и источников формирования казачества на Дону получила освещение в трудах В. Н. Королева⁷. В свете проблемы нашего исследования представляет интерес взгляд историка на наличие у казачества самостоятельных военно-политических интересов. Интересы Москвы и Дона, пишет В. Н. Королев, «часто совпадали, но случалось, что не во всем, а иногда и вовсе расходились»⁸. Наблюдения С. Ф. Фаизова о содержании «казачьего вопроса» в контексте истории крымскотатарской дипломатики во второй половине XVII в.⁹ помогают уяснить особенности отношения Гиреев и османских султанов к донским казакам. Также это помогает понять процессы встречного «движения» казаков к своим так называемым «извечным врагам», невзирая на обратное «давление» мощной исторической традиции.

Современный американский историк Б. Боук аргументировал в своей диссертации мнение о «донском фронтире». Он выделил этапы в его истории, указал на параметры неконфронтационного сотрудничества донских казаков с Азовом, исследовал вопрос о роли «тюрокско-татарского» мира в

³ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С. Ф. Орешкова. М., 2005. С. 376, 388–391, 404.

⁴ Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся города Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1782.

⁵ Савельев Е. П. История казачества. Ростов н/Д, 1990. Ч. 3; *Он же*. Средняя история казачества (Историческое исследование). Ростов н/Д, 1990. Ч. 2.

⁶ Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930.

⁷ Королев В. Н. Славяне турецкого Азова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 1, 2.

⁸ *Он же*. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 70.

⁹ Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперяславского времени. М., 2003.

формировании донского казачества¹⁰. Б. Боук отмечал, что «симбиоз между турками и славянами был ключевым элементом формирования ранних казачьих обществ»¹¹.

А. П. Пронштейн сделал важное замечание о том, что Войско Донское и после присяги 1671 г., а также в нарушение Бахчисарайского договора 1681 г., пыталось контактировать напрямую с Крымом и с османским Азовом. Такие практики, отметил крупный ученый, сохранялись еще в начале XVIII в.¹² Отдельные сюжеты из истории контактов донских казаков с турецко-татарским миром представлены в монографии Н. А. Мининкова¹³. Характеризуя особенности мышления казаков, он сделал замечание о значении идеи овладения Азовом в сознании казачества. Ученый связал с народными воззрениями казачью мотивацию необходимости постоянной борьбы с «бусурманами»¹⁴. В других его работах¹⁵ рассматриваются вопросы отношений между донскими казаками и Россией, Крымом, между донскими казаками и запорожскими казаками, охотно сотрудничавшими с Крымом, во второй половине XVII в.

Статья С. М. Маркедонова, и близкие по тематике другие его статьи (в том числе о типологизации казачьих сообществ)¹⁶ внесли свой вклад в расширение проблемного поля темы, определение дальнейшего научного поиска. В частности, это касается состояния проблемы альтернативности путей казачьей истории. Ряд историков ставил проблему связи между этническими процессами, с которыми было связано формирование донского казачества, и его отношением к Османской империи и Крыму. О наличии татарского элемента в рядах казачества указывал С. И. Тхор-

¹⁰ Боук Б. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: матер. науч. конф. Краснодар, 2001.

Voesk B. J. Shifting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and Nomads to 1739 / Thesis of Doctor of Philosophy in history. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 2002.

¹¹ *Voesk B. J. Op. cit. P. 18.*

¹² *Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д, 1961. С. 220.*

¹³ *Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998.*

¹⁴ Там же. С. 447.

¹⁵ *Мининков Н. А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2006; Он же. Войско Донское и Запорожская Сечь // 350-lecie unii hadziackiej (1658–2008) / pod. red. Teresy Chynczewskiej-Hennel, Piotra Krolla i Mirosława Nagielskiego. Warszawa, 2008.*

¹⁶ *Маркедонов С. М. Казачество Дона: диалог цивилизаций // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1999; Он же. Казачество: единство или многообразие?: Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 1. Ростов н/Д, 2006.*

жевский¹⁷. В дальнейшем вопрос о донских татарах изучался с привлечением более широкого материала. На их заметное место среди казачества указывал С. В. Черницын¹⁸. Его вывод о «донских татарах» в Войске Донском не всеми специалистами был принят. Он вызвал возражение О. Ю. Куца, который, кроме того, привел новые факты бегства казаков с Дона в османский Азов, а также затронул важный вопрос о готовности донцов уйти с Дона¹⁹.

Проблеме происхождения донских казаков в связи с региональными этническими процессами и формированием у донцов важнейших политических ориентиров, их связей с «кочевым миром» несколько работ посвятили И. О. Тюменцев, К. А. Николаев²⁰. Обращение к таким работам оправдано в связи с тем, что именно в XVI в. закладываются основы отношений донских казаков не только с Российским государством, но также с ханами и султанами. При анализе историографии автор поддерживает точку зрения о том, что изучение динамики внешнеполитических «предпочтений» донских казаков – один их путей для оценок конкретной историографической ситуации. В этом отношении упомянем работы С. И. Тхоржевского, писавшего о наличии татарского элемента в рядах казачества, а также труды Е. В. Кусаиновой, активно изучающей контакты донских казаков с Россией и Большой Ордой²¹.

¹⁷ Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Вып. 3. Пг.; М., 1923.

¹⁸ Черницын С. В. Некоторые процессы этнических процессов в Войске Донском XVII в. (На примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д, 1990; *Он же*. Этнокультурные процессы на Дону и образование казачества (XVII–XVIII вв.) // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1999.

¹⁹ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 391, 400–401.

²⁰ Тюменцев И. О. Этнические процессы в Волго-Донском междуречье в XV–XVI веках // Вопросы краеведения: матер. краеведческих чтений. Вып. 2. Волгоград, 1993; *Он же*. Казачество на Волге и Дону в середине XVI в. // Кубанское казачество три века исторического пути: матер. междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 1996; *Он же*. Зарождение казачества на Волге и Дону и его включение в социальную структуру Московского государства в XV – первой половине XVI вв. // Донское казачество: история и современность: сб. науч. ст. Волгоград, 2004; *Он же*. Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde russe. 2005. Janvier-juin. 46/1–2; Тюменцев И. О., Николаев К. А. Казачество в правление Ивана Грозного (1533–1584 гг.) // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области: сб. науч. ст. Волгоград, 1995.

²¹ Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века. // Русское прошлое. Вып. 3. Пг., М., 1923.; Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005; *Она же*. Донское казачество в описках астраханских воевод в Посольский приказ (первая половина XVII века) // Сарепта. Историко-этнографический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2007. *Она же*. Казачество в правление Алексея Михайловича // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008.

Проблемы символических оценок пространства Дикого поля, включая «жизненное» пространство Азова, изучены М. А. Рыбловой²². Исследовательница указывала на культурно-семиотические аспекты борьбы казаков за Азов и с Азовом. Она отметила связь процессов адаптации казаков в Пале с архаикой «мужских союзов», «вновь» формируемых славянами-казаками на Дону. М. А. Рыблова обратила внимание на такой важный аспект, как роль смешанного по происхождению населения казачьего Дона в этнокультурных процессах на территории Дикого поля.

Свой вклад в изучение темы вносят работы С. И. Рябова²³, активно исследовавшего социальные и политические процессы в Войске Донском XVII в. Ученый привел новые факты из истории торговых отношений Войска Донского с Азовом. Он обратился к роли событий международного характера в истории казачества Дона XVII в., изучил положение донского казачества в связи с противостоянием России и Османской империи. Положение Кавказа как особого региона, весьма привлекательного для различных казачьих сообществ, конкретизировано в трудах С. А. Козлова²⁴. В качестве важнейшего фактора, определявшего историю казачества, он рассматривал российское влияние.

Обратимся к частным вопросам темы. Благодаря усилиям Н. С. Коршикова и В. Н. Королева, в новейшем издании труда В. Д. Сухорукова была опубликована никогда ранее не печатавшаяся глава об истории раскола на Дону²⁵. В. Д. Сухоруков связал историю распространения старообрядчества на Дону с деятельностью пришлых «расколоучителей». Он указал на неоднозначное отношение верхушки Войска Донского и рядового казачества к «идеям» раскола, проанализировал в общих чертах политику России по борьбе с донскими старообрядцами. Самым заметным исследованием истории донского раскола является труд В. Г. Дружинина. В нем подробно исследованы процессы бегства

²² Рыблова М. А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002; *Она же*. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006.

²³ Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992; *Он же*. Донское казачество в системе взаимоотношений России и Турции конце XVI–XVII вв. // Казачество в истории России: тезисы докл. междунар. науч. конф. Краснодар, 1993.

²⁴ Козлов С. А. Русское казачество на Северном Кавказе (вторая половина XVI – XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988; *Он же*. Русское казачество на Северном Кавказе: От вольного общества к служилому сословию (вторая половина XVII – начало XVIII в.) // Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991; *Он же*. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 1996; Там же. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2002.

²⁵ Сухоруков В. Указ. соч. С. 340–357.

старообрядцев на Дон, характер их отношений с донским казачеством. Исключительно подробны приводимые им факты появления на Дону и по его притокам пустыней, поселений старообрядцев-мирян. Высоко-результативным стало изучение В. Г. Дружининым проблем «социальных сетей» местных старообрядцев, отношения Войска Донского к «расколоучителям» на Дону и борьбы московских властей с сообществом местных старообрядцев. Одним из первых В. Г. Дружинин успешно связал появление донских казаков на Кавказе с последствиями поражения движения донских старообрядцев конца XVII в.²⁶ Историк церкви Е. Овсянников указал на связь старообрядчества с Булавинским восстанием²⁷.

Н. А. Мининковым проанализированы некоторые события «донского раскола»²⁸, имевшие прямое отношение к появлению донских казаков-старообрядцев на Кавказе. Историк включает изучение проблемы в контекст личных переживаний, характеристик отдельных представителей «донского раскола», выходцев из казачьей среды. Интересны наблюдения А. Кириллова, С. В. Римского, О. Г. Усенко по изучению массового сознания донских казаков, включая аспект «обыденной основы» их религиозности²⁹. Новые данные о судьбе приговоренных к ссылке в Сибирь казаков, участников движения донских старообрядцев конца XVII в., привел А. Т. Шашков³⁰.

Еще меньше в науке исследований об истории кумских, аграханских и кубанских казаков рубежа XVII–XVIII вв., включая аспект их взаимоотношений с Войском Донским и с Россией, а также с ханами и султанами. Эти взаимоотношения казаков Кумы и Аграхани частично рассмотрены в трудах

²⁶ См.: Дружинин В. Г. Указ. соч.

²⁷ Овсянников Е. Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону. Новочеркасск, 1902; *Он же*. Булавинский бунт как раскольническое движение на Дону. Воронеж, 1915.

²⁸ Мининков Н. А. К истории раскола Русской Православной Церкви (малоизвестный эпизод из прошлого донского казачества) // За строкой учебника истории: учеб. пособие. Ростов н/Д, 1995.

²⁹ Усенко О. Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII – начале XVIII вв. («субидеологические» представления, установки, стереотипы) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 1. Ростов н/Д, 2006. С. 100–103; Кириллов А. Часовни. церкви и монастыри от начала их появления на Дону до конца XIX века // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. Римский С. В. Почитание святых донскими казаками в XV–XVII столетиях // Электронный ресурс: <http://www.portalus.ru/religion/readme.php?subaction=showfull&id=109646411&arcive=&startfrom=&ucat=1&category=1> от 24.11.2008 г.

³⁰ Шашков А. Т. Староверческое движение на Дону и ссылка его участников в Сибирь в конце XVII в. Ч. 1. // Электронный ресурс: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/137-1-0-400> от 17.07.2009.

В. Д. Сухорукова и П. П. Короленко³¹. В. Д. Сухоруков впервые ввел в контекст истории казаков на Кавказе действия османского Азова. Он обратил внимание на конфронтацию кумских и аграханских казаков с донскими казаками. Им была отмечено резко негативное отношение казаков Кумы и Аграхани к попыткам России добиться их выдачи³². П. П. Короленко выборочно проанализировал попытки России конца XVII в. добиться возвращения с Кавказа беглых казаков. Он указал на связь их адаптации с положительным отношением к ним со стороны крымских ханов и кабардинских князей.

В упоминавшейся выше книге С. А. Козлова приведены важные документы о первых кубанских казаках, показана связь между разными этапами в освоении казачеством ногайской Кубани. Наиболее заметен здесь вклад двух современных крупных специалистов – Б. Боука и О. Г. Усенко³³. Несомненна заслуга О. Г. Усенко в обосновании тезиса о существовании Кубанского войска на территории Крымского ханства, выявлении главных характеристик кубанского казачества в 1692–1708 гг. Историк типологизировал адаптационные практики первых кубанских казаков, опубликовал в приложении к своей работе важные документы по теме исследования. Б. Боук привел неизвестные ранее факты из военной истории казаков Кумы и Аграхани, их отношений с Войском Донским, указал на значение казаков этих общин в общей истории казачества Кубани, опубликовал уникальные образцы частной переписки первых кубанских казаков. Вместе с тем, работая в формате статей, Б. Боук и О. Г. Усенко не могли развить ряд перспективных положений, выдвинутых при их написании.

Подробный анализ истории изучения выступления К. А. Булавина в круг текущих задач не входит. Вместе с тем необходимо заметить, что большинство специалистов (Н. С. Чаев, В. И. Лебедев, Е. П. Подъяпольская, А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков и др.) в той или иной степени затрагивали вопрос об уходе части повстанцев под руководством И. Некрасова летом 1708 г. на территорию Кубани. Впрочем, в истории Булавинского движения данный сюжет традиционно относился к числу второстепенных. Некоторые историки пытались разобраться в характере переписки Булавина с Хасаном-пашой, кубанскими казаками³⁴. Другие давали

³¹ *Короленко П. П.* Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. Вып. 2. Екатеринбург, 1900.

³² *Сухоруков В.* Указ. соч. С. 350–357.

³³ *Усенко О. Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: сб. науч. трудов. Вып. 2. Тверь, 2000; *Боук Б. М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4.

³⁴ *Чаев Н. С.* Булавинское восстание (1707–1708) // Труды историко-археографического института Академии наук СССР. М., 1935. Т. XII. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). С. 52.

общие оценки характеру отступления казаков на Кубань³⁵. Не нашли в целом в предыдущей историографии вопросы сотрудничества кубанских и донских казаков во время Булавинского восстания. То же самое относится к научному изучению идеи булавинцев уйти на Кубань в случае поражения восстания. Вместе с тем, советским специалистам принадлежит основополагающий вклад в выявлении и публикации источников по истории выступления, без чего трудно говорить о перспективах в изучении темы.

История казачества на территории Крымского ханства в XVIII в. изучена частично. Наиболее значительный результат принадлежит П. П. Короленко, который сконцентрировался на военно-политических аспектах пребывания некрасовцев в крымском подданстве. Однако негативное отношение ученого к казакам-некрасовцам как к «изменникам» не позволило ему объективно изучить феномен многолетнего сотрудничества кубанских казаков с правящими ханами, уяснить общеисторический эффект такого явления.

В статье И. И. Дмитренко рассматривалась проблема «сманивания» некрасовцами российских подданных. Он признавал факт «религиозного благоденствия» казаков на территории Крымского ханства³⁶. Значительный вклад в изучение казаков-некрасовцев внесли Ф. В. Тумилевич, И. В. Смирнов, Н. Г. Волкова и Л. Б. Заседателева, В. И. Шкуро³⁷. Они расширили предметное поле исследований. Оно охватило в их трудах разные проблемы – от некрасовского фольклора, формирующегося уже на территории Крымского ханства, до развития важнейшей дискуссии о времени переселения казаков в пределы Османской империи. В содержательной работе Ю. В. Приймака³⁸ параграф о казаках Крымского ханства рассмотрен в связи с более общими вопросами отношений Крыма и Османской империи с Россией. Некоторые аспекты религиозной жизни казаков-старообрядцев Крымского ханства, их «социальных сетей» наш-

³⁵ Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 202.

³⁶ Дмитренко И. И. К истории некрасовцев на Кубани // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Краснодар, 1899.

³⁷ Тумилевич Ф. В. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Дон. 1958. № 8; Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Сер. 8 (История). 1986. № 4; Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8; Шкуро В. И. Вольная казачья республика на Кубани и судьба ее обитателей // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества: сб. науч. трудов. Краснодар, 1993.

³⁸ Приймак Ю. В. Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи XVIII – первая треть XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2000.

ли отражение в трудах Н. П. Гриценко, Н. Ю. Селищева, И. В. Торопицына³⁹. Однако в целом до недавнего времени место Кубани в системе старообрядческих центров и роли в этом местных казаков рассматривалось в подчиненной связи с историей российских старообрядцев. Кроме того, в таких работах отсутствует анализ причин, по которым старообрядцы продолжали в одиночку и группами переходить на территорию Крымского ханства на всем протяжении XVIII в.

В зарубежной историографии обобщающих специальных работ на тему диссертации нет. В одной из статей канадского историка В. Остапчука находим ценные замечания о связи происхождения донских казаков с «тюркско-тагарским миром»⁴⁰. Отдельные исследования специалистов Старого и Нового Света (Г. Штокля, К. Кортепетера и др.) принципиального значения для темы диссертации не имеют. Больше исследований, отметим, существует по истории отношений с Крымом и Османской империей запорожских казаков⁴¹. Интересно, что примерно такая же картина наблюдается в турецкой историографии. Даже в крупных и обобщающих монографиях⁴² находим лишь отдельные сведения по теме исследования – основное внимание уделено в них все тому же запорожскому казачеству.

В украинской историографии плодотворно исследуется вопрос о прошлом «турецких» («неверных») запорожцев⁴³, ставших подданными турецких султанов в конце XVIII в. Это такие аспекты их истории, как

³⁹ *Гриценко Н. П.* Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII–XIX веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Т. XI; *Селищев Н. Ю.* Старообрядцы в Уральском казачьем войске в XVIII – первой половине XIX в. (проблемы и перспективы исследования) // Вестник МГУ. Сер. 8. 1994. № 5; *Торопицын И. В.* Политика российских властей на Кавказе в отношении казаков-старообрядцев (40-е гг. XVIII в.) // Кавказский сборник М., 2006. Т. 3 (35).

⁴⁰ *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VI. Num. 4. Dec. 1982.

⁴¹ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // La Russie et l'Europe XVI – XX-e siècles. Франко-русские экономические связи. М.: Париж, 1970; *Ostapchuk V.* Five documents from The Topkapı Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) // Journal of Turkish Studies. 1987. Vol. 11.

⁴² *Öztürk Y.* Özü'den Tuna'ya Kasaklar-1. İstanbul, 1994; *Inbaşı M.* Ukraina'da Osmanlılar. Kamanice Seferi ve Organizasyonu (1672). İstanbul, 2004.

⁴³ *Бачинський А. Д.* Січ Задунайська. 177–1828: Іст.-документальний нарис. Одеса, 1994; *Бачинський А. Д., Бачинська О. А.* Козацтво на півдні України (1775–1869). Одеса, 1995; *Бачинський А. Д.* Дунайські некрасівці і задунайські запорожці // Історичне краєзнавство Одещини. Вип. 6. Одеса, 1995. *Каюк С.* Задунайська Січ (1775–1828 pp.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1999; *Могильова С. М.* Перші кроки Задунайського козацтва: про причини переходу запорожців до Туреччини // Південна Україна XVIII–XIX ст. Вип. 2. Запоріжжя, 1996. *Мільчев В.* Запоріжці на Військовому Кордоні Австрійської імперії 1785–1790 pp. (дослідження та матеріали). Запоріжжя, 2007.

расселение казаков по территории Османской империи и сопредельным территориям, отношения с некрасовцами, участие в русско-турецких войнах и т. д. Известный специалист по истории запорожского казачества В. И. Мильчев развивает дискуссию о времени начального этапа заселения казаками-некрасовцами Северо-Западного Причерноморья⁴⁴. Кроме того, он комплексно исследовал вопрос о пребывании запорожцев в крымском подданстве в 1710–1730-х гг.⁴⁵. Работа О. А. Бачинской⁴⁶ имеет несомненное значение при изучении положения казачьих сообществ Придунавья в контексте отношения стамбульского двора к своим румелийским владениям. С. С. Андреева рассмотрела некоторые особенности положения некрасовских казаков в связи с их статусом как крымскоподданных⁴⁷. Содержательные работы А. А. Пригарина имеют отношение к истории старообрядчества на территории Османской империи и формированию его социальных сетей⁴⁸.

Обобщая данные историографического анализа, констатируем, что в качестве самостоятельного монографического исследования тема диссертации раньше в науке не выступала. Оценивая состояние предшествующей историографии, автор считает возможным *условно* разделить проблемы и вопросы темы на изученные, частично изученные и дискуссионные. К числу первых можно отнести вопрос о событиях «донского раскола» – его причинах, источниках пополнения рядов местных старообрядцев, «военной» фазе подавления Москвой и Войском Донским указанного движения и некоторых других. Существенные результаты достигнуты П. П. Короленко в изучении военной истории некрасовских казаков. Отметим, что в общих чертах рассмотрен вопрос об истории отношений Войска Донского с Крымом и Османской империей, однако, в контексте конфронтационных практик.

⁴⁴ Мильчев В. И. Дискуссия о времени появления некрасовцев в Северо-Западном Причерноморье в свете документов Российского государственного архива древних актов // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / ред.-сост. А. А. Пригарин. Вып. 2. Одесса, 2005. С. 27.

⁴⁵ Мильчев В. И. Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією / История українського козацтва. Нариси у двох томах. Київ, 2006. Т. 1.

⁴⁶ Бачинська О. А. Колонізаційна політика Стамбула на Придунайських землях у XVIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вып. 3. Київ, 2003.

⁴⁷ Андреева С. С. До питання про перебування козаків-некрасівців під владою Кримського ханства // Козацька спадщина. Вып. 2. Нікополь-Дніпропетровськ, 2005.

⁴⁸ Пригарин А. А. Возникновение старообрядческих общин на Дунае в XVIII – первой трети XIX вв. // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. I. Одесса, 2004; *Он же*. Старообрядческое население Придунавья в конце XVIII – начале XIX вв. // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. II. Одесса, 2006.

Большая группа вопросов, рассматриваемых в диссертации, относится ко второй группе – частично решенных. В определяющей части вопросы темы диссертации рассматривались в предшествующей историографии фрагментарно (невоенные контакты донских казаков с османским Азовом; начальный этап появления казаков на Куме, Аграхани, Кубани; связь Булавинского выступления с историей казаков Кубани, формирование у казаков Кубани войсковой организации; «социальные сети» старообрядцев Кубани и некоторые другие) либо вовсе обходились стороной. Серьезный задел сделан в предшествовавшей историографии в изучении истории кубанского казачества 1692–1708 гг.

Фрагментарно в предшествовавшей историографии были исследованы такие вопросы, как роль казаков Кумы и Аграхани в истории кубанского казачества, судьба указанных общин на Восточном Кавказе после 1692 г., религиозные связи местных казаков-старообрядцев, история их нападений на российские владения (Терек, Прикаспий). Малоизученными остались такие вопросы темы как религиозный, численный и социальный состав, «социальные сети» казаков Кавказа, динамика их отношений с кавказскими «владельцами», Гиреями и с Османами, с местным ногайским населением. Недостаточно данных было накоплено в предшествующей историографии об организации казаками Кубани своей религиозной жизни, основании городков, состоянии войсковой организации, участии их в военных кампаниях Крыма и Османской империи.

К числу дискуссионных относятся вопросы об определении возможностей концепта фронта при изучении истории донского казачества; оформлении у казаков Крымского ханства войсковой организации (хронология, состав); именовании казаков, подданных Гиреев, кубанскими; этапы и причины переселения казаков-некрасовцев в Османскую империю.

Некоторые вопросы, рассмотренные в диссертационном исследовании, раньше в науке не формулировались – о времени хронологического «перелома» в отношениях между донским казачеством и мусульманскими государствами, о типологии практик поддержки Османами и Гиреями казачьих сообществ Кавказа, об определении места Кубани в системе старообрядческих центров, о роли османской Анапы в истории казачьих сообществ региона конца XVIII в. – начала XIX в.

Фрагментарность предшествующих исследований в ряде случаев служит отправной точкой для новых направлений поиска. Все названные работы составляют вместе определенную основу для дальнейшего изуче-

ния истории казачьих сообществ Дона и Северо-Западного Кавказа в тех аспектах темы, которые были определены выше.

Цель диссертации состоит в исследовании основных форм неконфронтационных отношений казачьих сообществ Дона и Северо-Западного Кавказа с Крымским ханством и Османской империей во второй половине XVII – начале XIX вв. Понятие формы увязано автором с содержанием соответствующих процессов, их динамикой в масштабах от отдельных практик до суммы исторического опыта. Кроме того, наблюдаемое явление необходимо изучить в связи с некоторыми другими факторами, определявшими развитие донского казачества в XVII в.

В соответствии с целью определены следующие **задачи** исследования:

- уяснить причины, долгое время препятствовавшие интенсификации отношений между казаками и государствами «тюркско-татарского мира»;

- определить факторы, влиявшие на развитие форм и содержания отношений донских казаков с мусульманскими государствами Причерноморья в XVII в.;

- установить общее и особенное в политике крымских ханов и турецких султанов по отношению к донскому казачеству до ухода части казаков с Дона во второй половине XVII в. и ее этапы;

- проанализировать формы пограничного сотрудничества донских казаков с османским Азовом;

- исследовать связь между одиночными переходами донскими казаками «границы миров» 1650–1670-х гг. и последующим их массовым переходом в крымское подданство в конце XVII в.;

- рассмотреть события и последствия донского раскола, вызвавшие уход части казаков-старообрядцев на рубеже 1680–1690-х гг. на Кавказ, в том числе во владения крымских ханов – на Кубань;

- определить этапы освоения казаками Кавказа и параметры адаптации в новых условиях новых групп казаков – кумских, аграханских и кубанских в конце XVII – начале XVIII вв.;

- уяснить характер и особенности реакций России на уход казаков с Дона в связи с их последующей военной активностью, «подрывной» деятельностью на Кавказе, а также новым статусом таких групп казачества;

- определить связь народных движений в России начала XVIII в. с процессами увеличения численности казачества Кубани в тот же период;

– проанализировать состояние научной дискуссии о кубанском казачестве и Кубанском (ханском) казачьем войске и обосновать ее авторское видение;

– выделить условия, определявшие жизнь кубанских казаков-некрасовцев в XVIII в. как подданных крымских ханов вплоть до конца существования Крымского ханства;

– изучить религиозность казаков Крымского ханства в связи с проблемой определения исторического положения Кубани среди других старообрядческих центров;

– выявить причины и содержание процесса массового ухода казаков-некрасовцев с территории Северо-Западного Кавказа в конце 1770-х гг.; вскрыть связь между этими событиями и последующим переселением некрасовцев в Османскую империю, уточнить хронологию данного процесса;

– исследовать историю казачьих сообществ Северо-Кавказского региона в связи с итогами русско-турецких войн второй половины XVIII в. и формирования здесь новых границ;

– определить характер влияния, которое оказывала на разных казаков, в том числе на казаков-черноморцев, крепость Анапа как последний центр владений Османов в Северном Причерноморье.

Методологической основой исследования являются принципы объективности, историзма, а также доказательности выдвигаемых положений. Принцип научности понимается как следование от постановки проблемы к выдвижению гипотезы и к доказательству авторской концепции отношений казачества Дона и Северо-Западного Кавказа с Крымским ханством и Османской империей. Учитывая состояние историографии, полемику вокруг некоторых исследовательских дискурсов, именно такой методологический подход представляется обоснованным при достижении цели и задач данного исследования.

Историзм рассматривается как исследовательский принцип, по словам Б. Г. Могильницкого, «требующий изучения всякого общественного явления в его конкретно-исторической обусловленности и развитии»⁴⁹. Это предполагает взгляд на разные формы отношений казачества с Крымом и Турцией как на характерные явления своего времени. Историзм предполагает не только изучение явлений в их хронологической последовательности, но и в установлении причинно-следственных связей между различными явлениями и процессами. Это относится к установлению

⁴⁹ Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1985. С. 85.

прямой зависимости между такими явлениями, как старообрядческое движение на Дону, освоение донскими казаками Кавказа, начальный этап которого приходился на 80–90-е годы XVII в., и последующая «социальная адаптация» донских казаков-старообрядцев на Кубани. Историзм также проявился в выявлении характера политики Гиреев по отношению к казакам-старообрядцам, поселившимся на Кубани, и в стремлении казаков к закреплению своего положения на новой для себя территории.

Принцип комплексности заключается в характере исследования источников. Это связано с необходимостью учитывать всестороннюю связь герменевтики источников с особенностями человека изучаемого времени как социокультурного феномена, его системы ценностей, исторических особенностей мышления, сочетания индивидуального и коллективного в исторических представлениях о «мы-группе», о соседних казакам народах. С этим принципом связан междисциплинарный характер работы. Он заключается в сочетании методов исторической науки с возможностями семиотики. Взятое из арсенала семиотики понятие о бинарных оппозициях позволило уяснить знаковую природу событий «донского раскола», определив его значение в жизни донских казаков как культурного конфликта. Отсюда – важный вывод о значении раскола в событиях казачьего Исхода на Кавказ.

В диссертации использованы общенаучные и специальные методы. Общенаучные методы – анализа, синтеза, сравнения и обобщения, метод классификации, типологизации и некоторые другие. Так, метод классификации позволил выстроить факты практической реализации отношений казаков с Гиреями и Османами в определенную систему, одновременно отделяя их от суммы других фактов, лишь внешне соответствующих заявленной теме. Это позволило доказать преемственность в политике поддержки ханами и султанами разных казачьих сообществ, моделируя такие отношения в ходе уяснения логики процесса и оформления гипотезы в виде концепции. Оказалось, что в эту модель укладывается все разнообразие форм таких отношений, характеризующих явление во времени и пространстве, с учетом меняющихся исторических условий.

Из специальных исторических методов использованы историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный. Так, сравнительно-исторический метод дает возможность для сопоставления как по горизонтали (казачьи сообщества Дона и Северо-Западного Кавказа – другие регионы – территория Крымского ханства, Османской империи в целом), так и по вертикали (положение казачьих групп Дона

и Северо-Западного Кавказа в границах разных хронологических периодов). Важные выводы достигнуты при сравнении отношения к Крыму и Османской империи запорожских и донских казаков. Использование проблемно-хронологического метода позволило сформулировать основные исследовательские проблемы, рассмотрев каждую из них в общехронологической последовательности. Историко-генетический метод позволил поставить и впервые в науке конкретизировать проблему отношений казаков Дона с ханами и султанами, а также дать новые оценки отношениям практик второй половины XVII в. Применение того же метода обусловило получение автором новых результатов в изучении проблемы формирования на территории Кубани казачества и формулировку идей по дальнейшему научному поиску.

Известная доля внимания была отдана в работе методу синхронного и диахронного анализа. В первом случае, это позволяло выявить общее и особенное в политике взглядов на казачество и поддержки казаков Крымом и Османской империей в интересующий нас период. Также синхронному исследованию подверглись все известные реакции казаков, ушедших на Кавказ, по отношению к «грамотам прощения» со стороны России конца XVII в. Это позволило не только уточнить имеющиеся в науке оценки по данному вопросу, но и прийти к новым выводам. Диахронному анализу подверглось изучение положения российских и «зарубежных» старообрядцев в XVIII в. В результате стало возможным говорить на новом уровне о «социальных сетях» старообрядческих групп, а также сформулировать проблему о роли Кубани в системе старообрядческих центров.

Источниковая база исследования представлена письменными источниками. Они подразделяются на две большие группы – документальные и нарративные источники. Определяющее значение имеют документальные материалы. В частности, использовались документы, хранящиеся в фондах таких российских и зарубежных архивов, как:

– Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва). Ф. 89. Сношения России с Турцией; Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела; Ф. 123. Сношения России с Крымом; Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами; Ф. 161/4. Дела Азиатского департамента МИД; Ф. 180 (Российское императорское посольство в Константинополе).

– Российский государственный архив древних актов (РГАДА, г. Москва). Ф. 7. Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии; Ф. 15. Дипломатический отдел; Ф. 20. Дела военные; Ф. 89. Сношения России с

Турцией; Ф. 111. Донские дела; Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела; Ф. 119. Калмыцкие дела; Ф. 123. Сношения России с Крымом; Ф. 127. Ногайские дела Посольского приказа; Ф. 158. Приказные дела новых лет; Ф. 159. Приказные дела новой разборки; Ф. 177. Кабинет министров; Ф. 210. Разрядный приказ; Ф. 248. Сенат и сенатские учреждения; Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы.

– Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва). Ф. 20. Секретное повытье Военной коллегии;

– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН, г. Санкт-Петербург). Ф. 99. Бутков Петр Григорьевич (1775–1857), историк, академик; Ф. 100. Дубровин Николай Федорович (1837–1904), историк, генерал от артиллерии, академик.

– Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб. ИИ РАН, г. Санкт-Петербург). Ф. 178. Астраханская приказная палата; Коллекция 238. 1698–1822. Документы Войска Донского; Ф. 276. Издательский архив ЛОИИ.

– Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ, г. Санкт-Петербург). Ф. 233. Канцелярия адмирала Ф. М. Апраксина (1699–1726 гг.).

– Государственный архив Ростовской области (ГАРО, г. Ростов-на-Дону). Ф. 55. Личный фонд Х. И. Попова.

– Государственный архив Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар). Ф. 249. Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска; Ф. 250. Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска; Ф. 261. Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии; Ф. 290. 8-й пехотный полк Черноморского казачьего войска; Ф. 302. 10-й конный полк Черноморского казачьего войска.

– Государственный архив Астраханской области (ГААО, г. Астрахань). Ф. 394. Астраханская губернская канцелярия; Ф. 599. Астраханская духовная консистория.

– Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД, г. Махачкала). Ф. 379. Кизлярская комендантская канцелярия, г. Кизляр.

– Başbakanlık Osmanlı Arşivi (БОА, г. Стамбул). Cevdet Tasnifi Askeriye (С. AS); Hatt-i Hümayûn (НАТ); Cevdet Tasnifi Darphâne (С. DH).

Кроме того, автором использовались документы из отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 917. Казы-аскерские

книги Крымского ханства; Ф. 905. Новое собрание рукописной книги; Эрмитажное собрание; Кирилло-Белозерское собрание.

Наконец, проделана эвристическая работа в фондовых и архивных собраниях музеев России и зарубежных стран, включая:

– Архив Днепропетровского исторического музея им. Д. Яворницкого (г. Днепропетровск). КП-38212/Арх.-223.

– Научный архив Ростовского областного музея краеведения (РОМК, г. Ростов-на-Дону). Ф. 2.

– Фонды КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына (г. Краснодар).

– Торкарı Sarayı Müzesi Arşivi, г. Стамбул.

В процессе написания работы автор обращался к материалам, содержащимся в различных сборниках документов⁵⁰. Как правило, указанные публикации выполнены на достаточно высоком археографическом уровне.

Переходя к видовой характеристике документальных источников, отметим следующие группы: законодательство, актовъй материал, материалы текущего делопроизводства и частной деловой переписки, периодическую печать. Законодательные акты содержатся, главным образом, в многотомном ПСЗ-1⁵¹. В отдельных случаях использовался сборник договоров, подготовленный Т. Юзефовичем⁵². Они имеют отношение к теме в связи с тем, что донские казаки, казаки Крымского ханства оказывались субъектами международных отношений. Эти источники помогают разо-

⁵⁰ Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Шишимым. Новочеркасск, 1891. Т. 1; Архив Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775. Київ, 2003. Т. 3; Труды историко-археографического института Академии наук СССР. М., 1935. Т. XII. Булавинское восстание (1707–1708 гг.); Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. Київ, 2009; Война с Турцией 1711 года (Прутская операция) / изд. А. З. Мышлаевский. СПб., 1898; *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 1; Там же. 1898. Т. 4; Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. Київ, 2007; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 12; Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2; Там же. 1913. Кн. 4; Там же. Петроград, 1917. Кн. 5; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов / сост. Е. А. Швецова. М., 1954. Т. I; Там же / сост. Е. А. Швецова, ред. А. А. Новосельский. М., 1957. Т. II. Ч. 1; Там же / сост. Е. А. Швецова, А. А. Новосельский. М., 1962. Т. III; Там же / сост. Е. А. Швецова, ред. Л. В. Черепнин, А. Г. Маньков. М., 1976. Т. IV (дополнительный); Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. сб. документов / выявл., сост., введ., комментарии Е. Н. Кушевой. М., 1997; *Суворов А. В.* Документы. М., 1951. Т. 2; *Фелицын Е. Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринбург, 1904. Т. 1; Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desai, Chantal Lemerrier-Quellejey. Paris, 1978.

⁵¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 2, 4–5.

⁵² *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005.

браться в итогах и последствиях русско-турецких войн, отражавшихся на истории подданных Крымского ханства и населения соседних с Крымом территорий. Анализируются договорные статьи Бахчисарайского, Прутского, Адрианопольского, Кючук-Кайнарджийского и некоторых других договоров. Актовый материал представлен царскими грамотами на Дон и императорскими манифестами, содержание которых дает представление о событиях «донского раскола», военной деятельности казаков Кубани, Кумы и Аграхани, сложных переговорах об их возвращении конца XVII в. и т. д.

Особое значение в качестве источника имеют материалы делопроизводства. Большая часть таких источников впервые вводится в научный оборот. В процессе исследования документальных источников были выделены следующие группы: памяти, отписки, мемории и промемории, экстракты, расспросные речи, челобитные, наказы, предписания, сказки (записи объяснений), рапорты и доношения. Фондообразователями этих и некоторых других групп документов стали такие российские учреждения, как Посольский, Разрядный, Семеновский приказы, Военная коллегия, Сенат, Астраханская приказная палата, Астраханская губернская канцелярия, Войсковая канцелярия Черноморского войска, Министерство иностранных дел Российской империи и другие. Это переписка центральных учреждений с подчиненными им организациями и внутренняя документация учреждений.

Источники разных групп сосредоточены в одном комплексе, например, «Донских делах» РГАДА. «Донское дело», как правило, содержит в себе множество документов, это не только отписки Войска Донского в Москву⁵³. Они важны для изучения процессов ухода казаков с Дона в конце XVII в., событий и последствий «донского раскола», отношений кумских, аграханских и кубанских казаков с Россией и Войском Донским. Донцы нередко доставляли достоверную информацию об отношениях таких казаков с Азовом.

Важнейший источник – расспросные речи казаков Кубани, включая некрасовцев, конца XVII в. – начала XIX в., попадавших в плен, либо других разных людей, «выходивших» из плена. Эти речи, отложившиеся в фондах различных российских учреждений. В ряде случаев такие сведения носят исключительный по своей значимости и информативности характер. Речь идет о подробностях повседневной жизни казаков Крымского ханства, включая религиозный аспект, их антропониими, об отно-

⁵³ Куц О. Ю. Донское казачество... С. 38–39.

шениях с местным населением, ханами и Азовом, об организации казаками военных акций, о расселении некрасовцев по территории Османской империи. Богатую информацию содержат отписки астраханских воевод конца XVII в. из фонда Астраханской приказной палаты. Эти материалы помогли сделать новые выводы о становлении и развитии общин казаков Кумы и Аграхани, их связях с казаками Кубани, по-новому оценить масштабы их военной активности в Прикаспии. Изучение документов делопроизводства канцелярии Черноморского казачьего войска содействовало изучению новой научной проблемы – о бегстве российских подданных, включая казаков, в османскую Анапу. Документооборот Военной коллегии при сравнении с данными других источников конкретизировал и увеличил объем данных о процессе «сманивания» кубанскими казаками российских подданных, о «социальных сетях» старообрядцев Кубани XVIII в.

Имеют значение материалы монастырского делопроизводства. Так, в Кирилло-Белозерском собрании ОР РНБ находим редкие сведения о вкладах донских казаков. Частная переписка – еще один важный источник, позволяющий глубже понять мир переживаний, образ мыслей ее создателей. В частности, речь о письмах начала XVIII в. кубанских казаков своим родственникам на Дон. Богослужебная литература представлена печатным Евангелием XVII в. с уникальной вкладной записью начала 1720-х годов об одной из первых казачьих часовен на Кубани.

Группа нарративных памятников XVII – начала XIX вв. как вид источника представлена такими произведениями, как географические описания и описания путешествий. В числе авторов – военные, чиновники, ученые, дипломаты, иные специалисты, нередко совмещавшие функции различных «профессий», включая занятие разведывательной деятельностью. Важные сведения о Крыме, его отношениях с казачеством содержатся в «Книге путешествий» османского чиновника, путешественника второй половины XVII в Э. Челеби. Уникальный по своим подробностям трактат османского чиновника об османских крепостях Северного Причерноморья опубликовала З. Весела⁵⁴. В этом произведении содержатся сведения и о казаках Крымского ханства. В трудах XVIII в. К. Главани, Ш. де-Пейссоннея. И. А. Гюльденштедта (Гильденштедта),

⁵⁴ *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII века // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.* М., 1969. Ч. 2.

записках барона Тотта⁵⁵ содержатся отдельные, но содержательные, зарисовки из жизни кубанских казаков – их занятиях, воинской культуре и пр., а также сведения о казачьих городках. Книга Т. де-Мариньи XIX в. «Поездки в Черкесию»⁵⁶ важна как источник о связях российского населения с «черкесским миром» и османской Анапой. Чрезвычайно интересна «Летопись Самовидца» XVII в.⁵⁷, содержащая сведения об участии донских и запорожских казаков в кампаниях конца XVII в. против Крыма. В «Записках» М. Чайковского XIX в.⁵⁸ мы находим важные сведения о жизни некрасовских казаков в Османской империи, которые можно использовать при характеристике их положения в более ранний период. Эти и некоторые другие аналогичные источники уточняют данные источников документальных, а в ряде случаев настолько информативны, что носят определяющий характер. В частности, это относится к описанию архимандритом Павлом своего путешествия в Иерусалим и другие святые места⁵⁹. Речь идет об описании им надписи на антиминсе, хранившемся в то время у майноских некрасовцев. Надпись содержит уникальную информацию о постройке одной из церквей на территории Крымского ханства в середине XVIII в.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней:

– комплексному анализу подверглись неконфронтационные отношения казачьих сообществ Дона и Северо-Западного Кавказа с Крымским ханством и Османской империей. В качестве монографического исследования заявленная тема в науке раньше не выступала;

– впервые в казачеведении тема сформулирована как самостоятельная в рамках данного научного направления;

– доказана связь региональных событий церковного Раскола с процессами перехода части донских казаков-старообрядцев на Кавказ и в подданство к Гиреям в последней четверти XVII в.;

– установлен временной отрезок (1660–1670-е гг.), когда отношения между крымскими ханами и донским казачеством получают качественно

⁵⁵ *Главани К.* Описание Черкесии // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: сб. матер. / изд. подг. В. М. Аталиков. Нальчик, 2006. С. 149, 180–181, 306; Записки барона Тотта о татарском набеге на Ново-Сербию (с предисловием и послесловием С. Е.) // Киевская старина. 1883. Т. 7 (сентябрь–октябрь); *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / ред. Ю. Ю. Карпов. СПб., 2002. С. 296.

⁵⁶ *Мариньи Т., де.* Поездки в Черкесию: пер. с фр. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2006.

⁵⁷ Летопись Самовидца / Вид. підгот. Я. І. Дзира. Київ, 1971.

⁵⁸ Записки Мих. Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 94 (май).

⁵⁹ *Павел, архимандрит.* Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие св. места. М., 1884.

новое развитие; сделан авторский вывод о влиянии на такие процессы событий выступления С. Т. Разина;

- подробно исследован международный контекст событий обострения отношений между Россией и Войском Донским последней четверти XVII в., включая анализ последствий Бахчисарайского договора (перемирия) 1681 г.; события такого рода поставлены в типологическую связь с процессами развивающихся отношений казаков Дона с «тюркско-татарским миром» и их намерением сменить подданство;

- применены возможности семиотики при исследовании событий «донского раскола» в связи с анализом проблемы состава донского казачества, по-разному реагировавшего на указанный религиозный конфликт;

- установлены новые и проанализированы уже известные факты бегства/ухода донских казаков в османский Азов; изучены основные формы адаптации/натурализации таких перебежчиков;

- история казачества Дона показана в связи с процессами формирования новых казачьих групп – казаков кумских, аграханских и кубанских; впервые подробно исследована роль донского казачества в истории указанных групп и наоборот;

- получены новые данные о формах и методах поддержки крымскими ханами и турками-османами сообществ казаков, уходивших с Дона и осевших уже на Кавказе;

- подробно проанализирована военная активность кумских, аграханских и кубанских казаков рубежа XVII–XVIII вв., рассмотренная в связи с отношением к казакам кавказских владетелей (правителей);

- аргументировано мнение о казаках Крымского ханства как о казаках кубанских, а также о характеристиках, названии и структуре Кубанского (ханского) казачьего войска;

- показаны роль и значение выступления К. А. Булавина в пополнении рядов казачества Кубани; получены новые данные о связях повстанческого руководства с кубанскими казаками;

- комплексно изучена жизнь кубанских казаков в XVIII в., органически связанная с их военизированным образом жизни. Анализ проблемы увязан с внешней и внутренней политикой крымских ханов и турецких султанов; сделан вывод о связи особенностей отношений казаков и Гиреев со старообрядческой этикой этих христиан, подданных ханов;

- получены новые данные об участии казаков Кубанского (ханского) казачьего войска в русско-турецких войнах XVIII в.; проблема рассмотрена с связи с типологией отношения Гиреев и стамбульского двора к казачеству региона;

– сделан вывод о важном значении Кубани (как части Крымского ханства) в ряду других крупнейших старообрядческих центров XVIII в. Подробно изучены такие явления как сманивание (со стороны кубанских казаков), «социальные сети» старообрядцев Крымского ханства, формы поддержки Гиреями своих подданных-христиан;

– получены новые данные о строительстве храмов на Кубани в XVIII в., аргументировано мнение о существовании в регионе скриптория; указанные вопросы рассмотрены не только в связи с положением казаков-некрасовцев, но и в связи с постоянным притоком на Кубань старообрядческого элемента;

– в комплексе изучены последствия русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в судьбе некрасовских казаков, установлены новые факты пребывания их в Закубанье после 1777 г. на фоне массового переселения некрасовцев в Османскую империю в последней четверти XVIII в., обнаружены новые и сведены воедино имеющиеся в науке примеры такого рода, а также о перемещении казаков из Анатолии в Подунавье;

– впервые в науке проанализировано влияние «закубанского фронта» и османской Анапы на историю черноморского казачества конца XVIII–XIX вв.: выявлены факты бегства казаков-черноморцев в Анапу, условия их натурализации (адаптации) в этой крепости;

– судьбы казачьих сообществ Причерноморья (конец XVIII в.) в контексте их отношений с Османской империей рассмотрены не в отдельности, но в общей связи, с учетом изменившейся пограничной конфигурации региона по итогам русско-турецких войн второй половины XVIII в.

– проведена поисковая работа в двух крупнейших архивах Турецкой Республики – Topkapı Sarayı Müzesi, Başbakanlık Osmanlı Arşivi (г. Стамбул), где обнаружены новые для российской науки документы по теме исследования, а также проведена работа по их предварительному переводу и вводу в научный оборот;

– введены в научный оборот новые документы из 10 центральных и региональных архивов Российской Федерации, из рукописных и архивных собраний четырех музеев и библиотек Российской Федерации и Украины.

Положения, выносимые на защиту:

– научная тема – «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.)» определяется как самостоятельная и перспективная в предметном поле казаковедения;

– принципиально новый этап в отношениях донских казаков с Крымским ханством и Османской империей наступает во второй половине XVII в. (1660–1670-е гг.). Это выразилось в развивающихся контактах сторон по поводу военного сотрудничества, переходах казаков в османский Азов и пр. Контакты развиваются в немалой степени под влиянием конфликтогенного потенциала Разинского выступления;

– последствия новых международных договоренностей Российского государства (последняя четверть XVII в.) объективно способствовали ухудшению положения донского казачества и (в числе прочих условий) содействовали изменению в положительную сторону у донцов общих установок на возможности сотрудничества с Крымом;

– особая роль в переходе части донских казаков на Кавказ (включая владения Гиреев на Кубани) принадлежала событиям «донского раскола». Указанное явление было воспринято многими казаками как культурный конфликт. С Дона они уходили на рубеже 1680–1690-х гг. сознательно, и подобный процесс можно трактовать как трагический Исход, который носил и религиозный (старообрядческий), и семейный характер;

– крымские ханы и османские власти крепости Азов оказались готовы в описываемый период к *системным* формам поддержки тех групп казаков-неконформистов, которые, являясь выходцами с Дона, основали новые сообщества на р. Куме, Аграхани (Северо-Восточный Кавказ) и на Кубани. Политика царизма, направленная на возвращение ушедших с Дона в иное казачество, в определяющей части закончилась безрезультатно;

– отступление части участников выступления К. А. Булавина на Кубань летом 1708 г. носило характер стратегии, являясь основой плана, одним из разработчиков которого стал, по мнению автора, К. А. Булавин. Изменившиеся условия (гибель Булавина и пр.) не привнесли серьезные коррективы в реализацию плана. Удачно осуществить его смог И. Некрасов – один из виднейших сподвижников Булавина;

– основа успешной адаптации на Кубани казаков И. Некрасова закладывается уже в 1708–1712 гг. Крымские ханы поддержали их по тем же основаниям, что и других своих подданных – первых или «старых» кубанских казаков конца XVII в.;

– с момента своего перехода в крымское подданство казаки-некрасовцы избрали путь верного и сознательного служения Гиреям. Указанное обстоятельство в числе некоторых других факторов определило благоприятное в целом их проживание на Кубани в XVIII в. Отношения между казаками и Гиреями со временем приобрели личностный, особый характер;

– с конца XVII в. на территории Крымского ханства (Северо-Западный Кавказ) формируется кубанское казачество, развивающееся по пути создания войсковой организации. Приход новых казаков в 1708 г. вызвал интенсификацию такого процесса и скорое создание Кубанского (ханского) казачьего войска;

– на всем протяжении XVIII в. казаки Кубани принимали активное участие в русско-турецких войнах (военных кампаниях Крымского ханства), являлись заметной военной силой;

– благодаря усилиям местных казаков-старообрядцев, соответствующей политике крымских ханов Кубань становится одним из крупнейших центров тогдашнего старообрядческого мира. Приток новых групп старообрядцев на Кубань, чаще всего направлявшихся к некрасовцам – обычное явление XVIII в.;

– изменившееся в 1760–1770-х гг. положение Крымского ханства отразилось и на судьбе некрасовских казаков, массово покидающих Кубань после событий сентября 1777 г. Из Закубанья они одновременно направляются группами в пределы Османской империи – Румелию и Анатолию; несмотря на различные предлагаемые варианты, в Россию казаки возвращаться не желали;

– османские султаны лояльно отнеслись к появлению новых групп некрасовских казаков в своих владениях, и уже в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. казаки, подданные империи, приняли в ней активное участие;

– османской Анапе принадлежит важная роль в истории славянского населения западно-кавказского пограничья рубежа XVIII–XIX вв. Являясь центром османских владений в Причерноморье, Анапа «притягивает» к себе выходцев (беглецов) из Черноморского казачьего войска, а также представителей других казачьих групп региона.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования результатов при написании обобщающих работ по истории Донского края, казачьих сообществ Дона и Северного Кавказа, тематических трудов по истории Крымского ханства и Османской империи, региональным аспектам международных процессов второй половины XVII – начала XIX в. Кроме того, отдельные результаты могут быть применимы в процессе комплексного изучения истории и культуры старообрядчества, народных движений России XVII–XVIII вв., при анализе эволюции отношений Российского государства с различными казачьими сообществами. В теоретическом отношении можно говорить о

включении результатов диссертации в исследование темы типологизации казачьих сообществ, определение перспектив изысканий по социальной истории казачества. Наконец, содержание работы, ее выводную часть возможно использовать при разработке учебных курсов по различным проблемам исторического регионоведения («История Кубани». «История Донского края» и пр.).

Апробация материалов и выводов исследования осуществлялась на протяжении 1999–2009 гг. Формы апробации включали в себя выступления на научных конференциях различного уровня (региональных, межрегиональных, всероссийских и международных). Речь идет о более чем 20 мероприятиях данной формы апробации. Среди конференций последних лет выделим такие: «Творческое наследие Ф. А. Щербини и современность» (международная, станица Каневская Краснодарского края, сентябрь 1999 г.); «Кавказ в российской политике: история и современность» (международная, г. Москва, МГИМО (У) МИД России, май 2006 г.); «Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска)» (всероссийская, г. Тимашевск, октябрь 2006 г.); «Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности» (региональная, г. Урюпинск, апрель 2007 г.); «Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани – XII Адлерские чтения (всероссийская, г. Адлер, октябрь 2007 г.); «Историко-культурные процессы на Северном Кавказе» (всероссийская, г. Армавир, октябрь, 2007 г.); «Архивное востоковедение»: (международная, г. Москва, июнь 2008 г.); «350-lete uini hadziaskiej (1658–2008)» (международная, Варшава, октябрь 2008 г.); «Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика» (всероссийская, г. Ростов н/Д, октябрь 2008); «Україна–Кубань: ретроспектива етнокультурних взаємин» (международная, г. Днепрпетровск, август 2008 г.).

По теме исследования автором опубликован 51 научный труд (на русском, украинском и румынском языках) общим объемом более 70 п. л. – включая издание 4-х монографий (3 индивидуальные, 1 коллективная) и статей. Кроме того, промежуточные результаты исследования были представлены к обсуждению научной общественностью на страницах продолжающихся тематических и периодических изданий. Среди первых выделяются: «Казачество России: прошлое и настоящее» (Ростов н/Д, 2006; 2008); «Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України

НАН України (Одесса, 2008); «Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень», (Днепропетровск, 2008); «Липоване: история и культура русских-старообрядцев» (Одесса, 2005; 2008–2009); «Україна в Центрально-Східній Європі» (Киев, 2007; 2009). Ряд принципиальних положень рабочей концепции автора в виде статей был опубликован в таких научных изданиях как «Родина» (М.), «Вопросы истории» (М.), «Российская история» (М.), «Этнографическое обозрение» (М.), «Кавказский сборник» (М.), «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» (Ростов н/Д).

В октябре 2007 г. о роли «некрасовской темы» в рамках изучения генерального диссертационного направления сообщалось в ходе реализации культурно-выставочного проекта «Некрасовский карагод» (пос. Новокумский Ставропольского края). В декабре 2008 г. автор принял участие в организации и работе круглого стола «Казачество в политике России и Османской империи на Кавказе и сопредельных территориях в XVII в. – начале XX в.», состоявшегося в КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына (г. Краснодар). Необходимость разработки некоторых проблем темы диссертации обсуждалась на научном семинаре «История края как поле конструирования региональной идентичности» (проведенном в ВолГУ при поддержке Института Кеннана и Международного научного центра им. Вудро Вильсона в апреле 2008 г.).

Промежуточные итоги работы над темой обсуждались на кафедре специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета в 2007 и 2008 гг. На заседании той же кафедры в июне 2009 г. диссертация обсуждена и рекомендована к защите.

Структура работы определяется целью, задачами и установленными хронологическими границами. Диссертация состоит из введения, 5 глав (главы с 1-й по 2-ю включительно, и с 4-й по 5-ю включительно содержат в себе по 2 параграфа, а 3-я глава – 3 параграфа), заключения, списка использованных источников и литературы. В основу структурирования материала по главам и параграфам автором положен принцип хронологии, хотя в отдельных случаях приоритет отдан проблемно-хронологическому принципу.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет исследования, его хронологические границы и территориально-географические рамки, степень изученности темы, цели и задачи работы,

формулируются принципы методологии, дается характеристика источников, научная новизна, перечень положений, выносимых на защиту, определяются практическая значимость исследования и его структура.

Глава первая – *«Донское казачество в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья во второй половине XVII в.: тенденции и практики»* – состоит из двух параграфов. Первый параграф – *«Донское казачество в отношениях с Крымским ханством и Османской империей: общая характеристика, тенденции развития в XVII в.»*. В нем изучены неконфронтационные практики общения крымцев и турок с донскими казаками. Анализ этих практик проведен на фоне изменившегося во второй половине XVII в. социального облика донского казачества. Указано, что эти изменения были вызваны внешними и внутренними факторами и влияли на отношения донцов с Крымским ханством и с Османской империей (Азовом), а также с Россией.

Приведены многочисленные факты, когда крымские ханы преследовали донских казаков в указанный период с обращением на себя внимание упорством – в пространстве политическом, географическом, информационном. Акцентировано внимание на разное отношение запорожцев и донцов к сотрудничеству с Крымом, что было связано с особенностями отношений донского и запорожского казачества с Крымом и Османской империей в XVI – первой половине XVII вв., которые у донских казаков были весьма острыми. Прослежена связь Разинского восстания с процессами интенсификации неконфронтационных отношений донских казаков с Крымом. Это отразилось в переписке Разина с крымскими ханами Адиль-Гиреем, Селим-Гиреем, а также в истории с письмами ханов, сохранявшимися в Войске Донском еще в 1673 г. Рассмотрена роль османского Азова в истории донского казачества. Показано, что «образы Азова» влияли на настроения донского казачества и служили одним из главных условий его развития. Изучены факторы, влиявшие на отношения донского казачества с Азовом, роль в таких процессах метисного населения (тумы), проанализированы случаи «замирения/розмирения» донцов с Азовом, и факты пограничного сотрудничества сторон. Обобщены и исследованы факты бегства донских казаков в Азов во второй половине XVII в., выяснены его причины и формы адаптации беглых казаков, не всегда предполагавшие их переход в ислам, а также отношение азовских беев и Войска Донского к перебежчикам.

Второй параграф – *«Международное положение Российского государства, Крымского ханства, Османской империи и донское казаче-*

ство (1670–1680-е гг.)». В нем проведен анализ воздействия на донское казачество международной обстановки в контексте отношений России, Крымского ханства, Османской империи и в некоторых случаях – Речи Посполитой – последней четверти XVII в. и международных договоров. При этом обращено внимание на конфликт интересов Дона и Москвы в ходе реализации Россией новых договорных обязательств со своими партнерами. Приведены свидетельства, когда под влиянием международной обстановки усиливался интерес различных государств к донским казакам, не имевшим возможности после принятия Войском Донским присяги в 1671 г. идти на прямое установление отношений с этими государствами. Изучен вопрос о связях казаков с Польшей в 1680-е гг., а также реакция на это со стороны Москвы. Обосновано, что особенно тяжелые последствия для Войска Донского имел Бахчисарайский договор 1681 г., заключенный между Россией и Османской империей. В связи с задачами параграфа изучены реакция Бахчисарая и Стамбула на заключение этого договора. Рассмотрены аспекты участия донских казаков в военных кампаниях России 1670-х гг. против Крыма и Османской империи – в Чигиринских походах, под Азовом и других. Установлены новые обстоятельства и факты действий донских казаков против Азова в 1680-е гг., в нарушение статей Бахчисарайского договора.

Глава вторая – *«Донское казачество в последней четверти XVII в.: жизненные стратегии в условиях «религиозной войны» и начального этапа освоения Кавказа»* – состоит из двух параграфов. Первый – *«Донское казачество после церковного раскола: «религиозные войны» и движение донских старообрядцев»*. Он охватывает 1670-е – конец 1680-х гг. Основное внимание уделено дискуссионным и малоизученным вопросам: причинам массового притока на Дон старообрядцев в последней четверти XVII в.; состоянию религиозности казаков; отношению верхушки Войска Донского к расколу и неоднородности «донского раскола» как явления. Прослежен процесс заселения старообрядцами, при «попустительстве» со стороны Войска, Дона и его притоков, вступления донских казаков в контакты с ними, их реакции на появление пустыней, на призывы к «перекрещиванию». Прослежено отношение Москвы к разрастанию на Дону старообрядческого влияния. Обращено внимание на стремление уже в эти годы части казаков-старообрядцев уйти на Куму. Выделены этапы в событиях «донского раскола». Оценена роль таких участников событий и сторонников «раскола», как С. Лаврентьев, К. Чюрносков, П. Сергеев, игумен Досифей, поп Самойла, К. Косой. Выявлено значение избрания вой-

сковым атаманом С. Лаврентьева для усиления позиций старообрядцев на Дону. Анализируется реакция разных слоев казачества на церковные нововведения, что позволяло говорить о том, что часть донцов воспринимала их резко негативно. В этой связи рассмотрен вопрос о росте не только эсхатологических ожиданий на Дону, но и принципиального изменения оценок России как «святой», «чистой», а Дона как «мрачного»: Россия и Дон получали обратные «знаки». Прослежен процесс обострения борьбы на Дону с лета 1687 г., когда начались массовые преследования старообрядцев, и атаман Ф. Минаев инициировал меры по выдаче Москве «наипущих заводчиков». Первым выдали К. Косого, потом схватили в Москве К. Чюрносова, однако выдать других лидеров Войско опасалось еще весной 1688 г. Перелом наступил 7 апреля 1688 г., когда войсковой круг решил выдать Лаврентьева с «товарищи». Тогда же Войско активизировало борьбу со старообрядцами и жесткое приведение казаков к присяге по Дону и его притокам. Уход части казаков-старообрядцев и их духовных лидеров на Кавказ (на Куму) показан как прямое следствие этих преследований. Выявлены «каналы» таких переходов (через Чирскую пустынь и др.). Особое внимание уделено завершающему этапу борьбы донских старообрядцев на Медведице (осень 1688 г. – весна 1689 г.). Приведены новые факты осады их городка, переговоров осажденных с донскими казаками. Установлены новые обстоятельства последних штурмов городка, один из которых закончился его падением 4 апреля 1689 г.

Второй параграф – *«Поражение движения донских старообрядцев и начальный этап освоения донскими казаками Кавказа (1680–1690-е гг.). Социальная адаптация, внутригрупповые отношения»*. Основное внимание уделено истории казачьих общин на Куме и Аграхани, возникших в конце 1680-х гг. в итоге ожесточенной борьбы внутри донского казачества. Аргументируется мнение об уходе казаков с Дона как об Исоде и окончательном разрыве их с Доном, что объясняется глубокими изменениями последней четверти XVII в. в Войске Донском. Анализируются данные о количестве ушедших казаков и их месте жительства на Дону, наличии у них семей и их принадлежности к старообрядчеству. Изучена роль в жизни ушедших с Дона казаков их лидеров – Л. Маноцкого, П. Мурзенко. Приведены новые факты знакомства донцов с регионом в связи с выходами казаков на Куму еще в 1660-х гг. Показаны особенности формирования связей ушедших казаков с местными «владельцами» – кабардинскими князьями, тарковским шамхалом, а также с терскими казаками. Рассмотрены военные действия кумских и аграханских казаков против донских

казаков, а также источники пополнения новых казачьих сообществ на Кавказе, ушедших с Дона. Приведены факты поддержки этих казаков азовскими беями и пребывания казаков с Кумы и Аграхани в османском Азове. Проанализирована политика российских властей и Войска Донского в отношении кумских и аграханских казаков, в частности, роль царских грамот о прощении, планы по ликвидации этих казаков в 1692 г., а также реакции кумцев и аграханцев на эту политику. Рассмотрены формы адаптации казаков на Кавказе, показателем которой явились их активные действия против российских владений в Прикаспии, на Тереке и на Волге и их нападения их на донские городки, связи с медведицкими «раскольниками», с казаками-старообрядцами Кубани. Прослежена история добровольного перехода в 1691–1692 гг. части аграханских казаков на Терек. Приведены сведения о лицах духовного «звания», проживавших среди казаков на Куме и на Аграхани. Выявлены предпосылки и обстоятельства ухода казаков с Аграхани на Кубань в 1692 г. в результате договоренности с ханом и подчеркнуто значение поддержки новыми подданными хана, кубанскими казаками, идеи принятия выходцев с Аграхани в кубанских владениях хана. Изучены события планировавшейся в 1692 г. против казаков Аграхани операции (с привлечением пеших, конных стрельцов из Астрахани) и изменении планов царизма по ликвидации городков кумских и аграханских казаков. В указанной связи обращено внимание на то поражение, которое нанесли отступавшим на Кубань казакам в сентябре 1692 г. кумыки и чеченцы (действовавшие по приказу княгини Тауки Салтанбековны). Впервые изучена судьба последних аграханских казаков, оставшихся на прежнем месте жительства после 1692 г. и продолжавших активно действовать при поддержке шамхала и дагестанских «владельцев». Обоснован вывод о привлекательности Кумы и Аграхани как путей отступления и проживания для участников Астраханского восстания и о связях булавиновцев с аграханскими казаками.

Глава третья – *«Казачество Северо-Западного Кавказа (Крымского ханства) в конце XVII в. – начале XVIII в.: становление и развитие, новые социальные практики»* – состоит из трех параграфов. Первый – *«Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.)»*. В нем рассмотрен начальный этап становления кубанского казачества. Обращено внимание, что в конце XVII в. впервые в своей истории Гирей обрели подданных в лице сразу нескольких сот донских казаков с семьями, причем хан Селим-Гирей I дал согласие на их поселение на Кубани.

Проанализирована реакция османских властей в Азове на появление на Кубани уходивших с Дона казаков. Исследованы вопросы о структуре общества таких казаков, местах их проживания, религиозности, состоянии семейно-брачных связей, антропологии, «сманивания» казаками на Кубань подданных России, об их занятии работоторговлей. Сделан вывод о системной поддержке казаков на Кубани крымскими и азовскими властями, выявлены и проанализированы новые факты, связанные с выплатой этим казакам ханами и беями жалованья, а также удовлетворением их духовных запросов. Обращено внимание на значительную военную активность этих казаков против российских владений и донских казаков при организующей роли в таких действиях Азова. Известны случаи, когда бей лично привлекал казаков к военным акциям. Дана характеристика особенностям воинской культуры ушедших на Кубань казаков, характеристикам казачьих ватаг (отрядов). Уточнены факты биографии одного из лидеров местных казаков, С. Пахомова, дана оценка уникальным образцам частной переписки кубанских казаков 1709 г. Изучены отношения казаков с ногайцами и с Кубек-агой, присланным из Азова на Кубань для защиты казаков и одновременно для контроля за ними. Сделан вывод, что кубанские казаки шли по пути создания нового Войска, начавшегося в конце XVII в., а окончательное оформление у них войсковой структуры имело место в начале XVIII в.

Второй параграф – *«Народное движение на Дону начала XVIII в. его роль в пополнении казачества Крымского ханства»*. В ходе анализа событий Булавинского восстания обращено внимание на переписку К. А. Булавина с кубанскими казаками, в которой отражена его попытка вступить в контакт с султаном Ахмедом III. Проанализирован план повстанцев по отступлению на Кубань, сделан вывод о стратегическом характере этого отступления и о принадлежности этого плана К. А. Булавину и И. Некрасову. Рассмотрен вопрос о попытках властей пресечь сношения Булавина с Кубанью, о реакции на подобные контакты кубанских казаков и ногайцев. Выявлены факты, свидетельствующие о недовольстве на Дону, прежде всего казаков-старообрядцев, Петром I, а также изучены заявления казаков о готовности пленить царя и передать его турецкому султану. Гибель вождя движения летом 1708 г. не изменила намерений части повстанцев оставить Дон и уйти на Кубань. Семейный переход на Кубань казаков И. Некрасова состоялся в конце августа 1708 г., причем, как доказано, атаман не намерен был спасать казаков, осажденных в городке Есаулов. Аргументирован вывод о наличии у повстанцев превосходных

знаний о положении дел на Кубани, а также о том, что их решимость и упорство по реализации цели отступления нельзя относить к опрометчивым и безрассудным шагам. Прием некрасовцев ханскими властями на Кубани подтвердил правомерность действий атамана, который стал посылать агитаторов с Кубани на Дон с целью сманивания к уходу новых групп казаков, причем случаи отправки Некрасовым таких посланцев были не единичны уже в 1708 г.

Третий параграф – *«Начальный этап социальной адаптации донских казаков на территории Кубани: роль крымско-османского государственного фактора»*. В нем определено значение периода 1708–1712 гг. как исключительно важного в истории некрасовского сообщества. Установлен семейный характер сообщества казаков, отступавших на Кубань. Выявлены новые факты контактов казаков с ханом Девлет-Гиреем II, их участия в действиях русско-турецкой войны 1710–1711 гг. – на Украине и в других регионах. Подробно изучен вопрос о попытках России добиться выдачи некрасовцев у Османской империи и Крыма в ходе миссии В. Блеклого в Бахчисарай и действий российских дипломатов в Стамбуле. Определена роль в судьбе казаков-некрасовцев Прутского и Адрианопольского мирных договоров. В указанной связи выявлен факт положительного отношения султана Ахмеда III к действиям хана Девлет-Гирея II по поддержке казаков, принимающих крымское подданство сознательно и добровольно. Приведены новые факты переговоров казаков с султанским двором. Уточнена география первоначального пребывания казаков-некрасовцев в Закубанье (примерно до 1712 г.) – в юрте Аллавата-мурзы, закубанского ногайского князя Ураковской ветви потомков Касая (Малые ногаи), внука Хорашая Уракова. Сделан вывод, что это были земли междуречья Кубани и Лабы, где раньше проживали первые, или «старые», казаки Кубани. Отмечена роль «старых» казаков в налаживании отношений казаков И. Некрасова с Девлет-Гиреем II. Доказано, что защищенность проживания в месте, о котором шла речь выше, позволила И. Некрасову и его сподвижникам развернуть масштабную работу по агитации к уходу на Кубань казаков с Дона, а также избежать обострения ситуации возможной своей выдачи Российскому государству. Впервые рассмотрен вопрос о географии распространения по территории России информации о проживании на Кубани казаков-некрасовцев в результате передачи слухов и по другим причинам. Сделаны выводы об успешном для казаков-некрасовцев характере первых лет их адаптации в процессах формирования отношений с правящей династией Гиреев, местным ногайским населением, «старыми»

кубанскими казаками, о том, что в эти годы закладывались основы для сакрализации в недалеком будущем личности Игната Некрасова.

Глава четвертая – *«Казачество Северо-Западного Кавказа (Крымского ханства) в 1713 г. – начале 1760-х гг.»* – состоит из двух параграфов. Первый – *«Казаки Крымского ханства и военная история государства Гиреев. Кубанское (ханское) казачье войско»*. Основное внимание уделено вопросам военной истории казаков-некрасовцев, проблемам характеристик (образование, наименование, структура, состав) Кубанского (ханского) казачьего войска, применения к сообществу местных казаков номинации «кубанское казачество». Доказывается, что сообщество казаков Крымского ханства возможно именовать кубанским сразу по нескольким основаниям: перед нами и элемент (один из уровней) коллективной идентичности казаков, и научный термин, призванный выполнять функции классификации в ходе научного поиска. Выявлен и проанализирован процесс сакрализации личности И. Некрасова, сыгравшего в истории некрасовцев роль «культурного героя» и «первопредка» общины. Все указанные вопросы рассмотрены на фоне отношений казаков с Гиреями, которые носили особый, лично-«окрашенный» характер. Объяснено, почему на всем протяжении истории Крымского ханства XVIII в. не наблюдается фактов преследования верховной властью казаков Кубани – ни явных репрессий, ни опосредованного выдавливания их из региона в этом смысле история не зафиксировала, при том, что крымский престол в разное время занимали разные по складу характера ханы. За время от появления казаков И. Некрасова на Кубани до ликвидации Крымского ханства в 1783 г. на престоле сменилось 18 ханов, и некоторые из них правили по несколько раз. Показаны формы участия некрасовцев в нападениях крымско-кубанских войск на территорию Российского государства, таких, как набег султана Бахты-Гирея 1717 г., участие казаков в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., их связи с донскими казаками, вопрос о «некрасовских шпионах», торговле некрасовцев «ясырем». Изучен вопрос о казачьих городках, численности казаков-некрасовцев (боевой и семейный состав), об их отношениях с местными элитами (сераскиры, султан Бахты-Гирей). Указано на связь боевой активности казаков-некрасовцев во второй половине XVIII в. с расколом внутри их сообщества, ускоренным после предложения российских властей вернуться в Россию и началом их массового переселения в Подунавье. Одним из оснований такого раскола стала реакция казаков на предложение царизма вернуться в Россию. Приведены новые факты попыток казаков в 1750-е гг. активизиро-

вать контакты с султанским двором. Анализируется случай, когда купец из Малороссии И. Васильев (Мелес) встретил в Стамбуле в гостях у купца Е. Пирожникова кубанских казаков, прибывших с письмом на имя султана и просивших брата И. Васильева – Анатолия, «епископа Мелитинского», о переводе письма на греческий язык. Эти лица попытались склонить казаков к возвращению в Россию, к делу оказалось причастно российское посольство в Стамбуле, но безуспешно. Определены география и формы участия некрасовских казаков в кампаниях Крымского ханства второй половины XVIII в., рассмотренные в связи с внешней политикой государства Гиреев, внутренней борьбой крымских элит и подобными процессами.

Второй параграф – *«Религиозная жизнь казаков Крымского ханства и политика крымских ханов. Место Кубани в системе старообрядческих центров»*. Делается вывод, что принадлежность кубанских казаков-некрасовцев к старообрядчеству относится к решающим факторам, определявшим их судьбу в XVIII в. Обращено внимание на особенности политики крымских властей в отношении некрасовцев. Предоставив казакам религиозную свободу, Гирей не препятствовали тому, что под воздействием призывов со стороны казаков на Кубань уходили новые группы населения России, в том числе из других казачьих войск, включая терских, гребенских, яицких казаков. Религиозный мотив в действиях беглецов выражался особенно ярко. Изучены география и мотивация бегства на Кубань выходцев из России и реакция на это со стороны царских властей. Рассмотрены основные формы организации казаками Кубани своей религиозной жизни. Это были поиски («доставание») казаками священников, возведение культовых сооружений, обеспечение их церковной утварью и другие формы. Особое внимание уделено развитию на Кубани книжной культуры как характерной черты культуры старообрядчества. Аргументировано мнение о бытовании на Кубани в середине XVIII в. скриптория. Изучены «социальные сети» старообрядцев Крымского ханства, их связи со старообрядцами казачьих войск России. Обоснован вывод, что благодаря целенаправленной и системной политике крымских ханов по поддержке казаков в XVIII в. существенно укрепились позиции старообрядческой церкви на Северном Кавказе. Определено важное место Кубани в системе других центров старообрядчества – Керженца, Яика, Ветки, османских владений на Дунае. Приведены факты поддержки султанским двором духовных запросов казаков-старообрядцев, выяснены последствия миссии епископа Анфима с территории Румелии на Кубань в начале 1750-х гг. Обобщены примеры, позволяющие судить о том, что активная

религиозная позиция кубанских казаков-старообрядцев позволила им, наладив диалог с мусульманскими правителями, выстроить прочную связь со старообрядцами России и Османской империи, например старообрядцами Подунавья.

Глава пятая – «Кризис крымско-османского господства в Северо-Восточном Причерноморье и казачьи сообщества региона» состоит из двух параграфов. Первый параграф – *«Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. и причины переселения кубанских казаков в Османскую империю (Подунавье, Анатолия)»*. Проанализированы негативные последствия для некрасовских казаков русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Сделан вывод об активизации политики российских властей по возвращению некрасовцев в пределы империи после войны. Изучены практики царизма по возвращению некрасовцев в пределы империи в данный период, определена роль в указанных событиях российских военных (И. Бринка, А. А. Прозоровского, И. Ф. де-Медема и др.), исполнителей указов и других подобных документов, исходивших от Екатерины II. Рассмотрены условия проживания на Кубани казаков-некрасовцев в 1760–1770-е гг., их боевые действия в ходе войны 1768–1774 гг., отношение Бахчисарая и Стамбула к казакам на территории Крымского ханства в период войны. Проведен анализ обращений кубанских казаков в 1770-х гг. к российским представителям с просьбой содействовать им в возвращении на территорию России. Обосновано предположение, что этому способствовало обострение их отношений с местным мусульманским населением и подписание в местечке Карасу 1 ноября 1772 г. декларации об отделении Крыма от Османской империи и союзного договора между Российской империей и Крымским ханством. Обращается внимание, что никаких реальных последствий переговоры о возвращении казаков в Россию не имели. Подробно рассмотрены события военной экспедиции И. Бринка-К. Ганбома в сентябре 1777 г., которая привела к массовому выселению некрасовцев с Кубани в Закубанье и Османскую империю. Прослежена география и хронология перемещения отдельных некрасовских групп в Анатолию и Румелию (Подунавье) в конце XVIII в. Доказано, что в пределах Османской империи казаки чувствовали себя уверенно и могли оставаться в Анатолии или отправляться в некрасовские селения, основанные казаками еще в середине XVIII в. на Дунае. Представлены и проанализированы новые факты участия некрасовских казаков, подданных султана, в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. в составе османских войск.

Второй параграф – *«Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII в. – начале XIX в. и казачьи сообщества региона»*. Отношения казаков, оставшихся в регионе, с властями османской Анапы развивались и после ухода с Кубани некрасовцев, а также после появления здесь черноморских казаков, по-разному реагировавших на состояние фронтального пространства в Северо-Восточном Причерноморье. Речь идет о такой его части, как «закубанский фронтир», одним из организующих начал которого до 1829 г. являлась Анапа, одно время бывшая центром санджака. Обоснован вывод о возрастании после русско-турецких войн конца XVIII в. роли Анапы как центра османских владений в регионе, охарактеризированы походы российских войск на Анапу. Проанализированы факты бегства черноморских казаков в османскую Анапу, формы их натурализации и адаптации в крепости, а также отношение анапских пашей к таким перебежчикам и попыткам России добиться их выдачи. Установлено, что переход лиц такого рода в мусульманство чаще всего не был условием, навязываемым турками-османами. Некоторые вопросы темы представлены на фоне отношений казаков-черноморцев с другими казачьими сообществами региона – казаками-некрасовцами и «турецкими запорожцами» (захват в плен некрасовцами казаков Черноморского казачьего войска, контакты черноморцев с запорожцами в ходе войны 1787–1791 гг. и пр.). В типологической связи со случаями бегства казаков рассмотрены примеры бегства в Анапу российских солдат. Доказано, что бегство разных групп российских подданных вплоть до конца 1820-х гг. было постоянным явлением. Выявлены новые факты из истории так называемой «закубанской группы» некрасовцев конца XVIII в., определена роль османской Анапы в процессах, определявших условия ее существования. Показан характер прочных связей между Анатолией и Закубаньем в жизни некрасовских казаков конца XVIII в.

В заключении диссертации подводятся основные итоги исследования. Проблема «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья» рассматривается как самостоятельная в рамках такого общего направления исторического познания, как казачеведение. Приведенный в диссертации материал показывает, что для комплексного изучения истории донского казачества необходимо учитывать масштабы того влияния, которое оказывали на него Османская империя, прежде всего Азов, и Крымское ханство. Со второй половины XVII в. отношения между донским казачеством и мусульманскими государствами Причерноморья постепенно меняются. Речь идет об

укреплении и развитии неконфронтационных практик, включая пограничное сотрудничество.

Установлено, что хронологическим «водоразделом» в истории отношений донского казачества с Крымом и с османским Азовом стал рубеж 1660–1670-х гг., под влиянием, прежде всего, Разинского восстания и его последствий. До указанного времени крымские ханы активно преследовали казаков в географическом, политическом, информационном пространстве. Османская империя проводила в отношении донского казачества типологически ту же линию по их «нейтрализации», что и Гиреи. Впрочем, в отдельных случаях турки-османы были склонны подходить к решению «казачьего вопроса» более гибко. Обоснован вывод, что инициатива по развитию отношений с Крымом исходила в немалой степени от повстанческого руководства во главе со С. Разиным.

Приведены новые факты бегства донских казаков в Азов. Это были не случайные переходы, а упорядоченные во времени и пространстве случаи 1650–1670-х гг. Сделан вывод о типологической связи таких переходов с подобными примерами конца XVII в., когда в Азов приходят с Дона казаки-старообрядцы. Обращается внимание, что после ухода с Дона перебежчики получали разные возможности для своей натурализации и адаптации. Переход казаков в мусульманство признавался османскими властями желательным, но вовсе не обязательным основанием для проживания в крепости. Наряду с этим выявлены случаи перехода турок на Дон, которые становились казаками.

Смягчение позиций сторон по отношению друг к другу протекало на фоне развития международных отношений того времени, оказывавших влияние на положение донского казачества. Подчеркивается, что активизация связей донских казаков с Речью Посполитой в 1680-е гг., способствовавшая включению их в международные отношения, вызывала недовольство Москвы. В процессе реализации Россией, Крымским ханством и Османской империей своих новых договорных обязательств и формирования нового пограничного режима нередко были ситуации конфликта Москвы с Войском Донским. В результате заключения Бахчисарайского договора 1681 г. пострадали интересы донского казачества, существенно ограниченного в возможностях совершать несанкционированные походы на Крым и Турцию.

Новые международные обязательства России наносили удар по одной из доходных статей Войска Донского – «окупным» операциям в отношении пленных. Сопротивление донских казаков политике Москвы, на-

правленной на усиление своей власти на Дону, происходило на фоне обострения событий «донского раскола». Крымские походы актуализовали в глазах казаков мысль о связи судьбы государства Гиреев с судьбами самих донцов, что, возможно, еще более подталкивало часть казачества к идее разрыва с Доном и Россией. Реакция части казаков на системные ограничения и преследования привела в итоге к переходу части казаков, в том числе старообрядцев, в крымское подданство.

Движение донских старообрядцев конца XVII в. показало, что часть донских казаков переживала его как «культурный конфликт». Его знаковый (семиотический) характер очевиден. По религиозным основаниям разворачивались в 1680-е гг. события первой в истории донского казачества «братоубийственной войны», которая являлась также религиозной войной. Проанализированы новые свидетельства неоднородности «донского раскола», характеристики которого не сводимы к борьбе «московской» и «антимосковской» группировок. Движение донских старообрядцев развивалось на фоне символических переоценок православными «религиозной чистоты» пространства России, Дона и Крымского ханства. Поэтому «позиции» Крыма в глазах казаков-старообрядцев усиливались, а Россия объявлялась «уделом антихриста». Разрыв части донских казаков с Россией – звено в общей истории пересмотра коллективных взглядов донцов на возможности обрести подданство крымских ханов и уйти с Дона *навсегда*. Доказано, что к такому повороту событий оказались готовы обе стороны, причем в османском Азове поддержали инициативу ханов по принятию в пределах ханства казаков-старообрядцев. Подробно рассмотрены основные пути отступления их с Дона.

События начального этапа освоения донскими казаками Кавказа, включая Кубань, оказались теснейшим образом связаны с поражением старообрядческого движения на Дону. Уход донских казаков на Кавказ носил характер трагического и эмоционально переживавшегося *Исхода*. На Северо-Западный и Северо-Восточный Кавказ уходили казаки-старообрядцы, в значительной степени – женатые. Отступили вместе с донцами-мирянами и их духовные лидеры.

В конце 1680-х гг. сформировались кумская и аграханская общины казаков, а также община казаков на Кубани, во владениях крымских ханов. Казаки заняли важную нишу в числе региональных участников исторического процесса. В союзе с ними были заинтересованы Тарковский шамхал, владетели Эндери, кабардинские князья. Масштабы военной активности этих казаков составили угрозу российским владениям в регионе.

Россия предприняла несколько попыток по «вызову» всех этих казаков обратно на Дон, однако основная их часть ответила на подобные предложения отказом. Анализ военных операций казаков Кумы и Аграхани в Прикаспии, на других направлениях свидетельствует об их масштабности и серьезности в понимании центральных и местных российских властей. Военная операция 1692 г. против аграханских казаков привела не только к разгрому местных общин, но и к росту численности кубанского казачества, поддержанного крымскими ханами и администрацией османского Азова. Точно таким образом еще раньше турки-османы отнесли к казакам Кумы/Аграхани. Для всех них Азов становится и удобной перевалочной базой, и местом сбыта добытого в походах. Казачьи сообщества Кумы и Аграхани сыграли важную роль в становлении и развитии кубанского казачества, повышении его роли в региональных политических процессах и налаживании позитивных отношений казаков Кубани с крымскими ханами.

На рубеже XVII–XVIII вв. кубанское казачество стало играть большую роль в активизации новых переходов донцов на Кавказ, набегах на окраины России. Такую же роль они сыграли в повышении внимания Крыма, Османской империи и России к казачеству как важному игроку на пространстве Дикого Поля и сопредельных территорий. Указанный период – начальный этап складывания у казаков Кубани войсковой организации, что также свидетельствовало об их развитии и адаптации к новым условиям проживания. Ханы оказывали постоянную поддержку своим новым подданным, включая помощь в организации религиозной жизни. Верной службой эти казаки заложили основы лояльного, и даже заботливого, отношения крымских ханов к местному казачеству. Указанный фактор сыграл свою важную роль в событиях нового этапа пополнения рядов кубанского казачества в 1708 г.

Подробное освещение получил этап пополнения рядов кубанского казачества, связанный с завершающим периодом выступления К. А. Булавина. Уход крупного отряда казаков во главе с атаманом И. Некрасовым на Кубань стал осуществлением заранее подготовленного плана. К числу разработчиков такого плана относился К. А. Булавин. Получены новые данные о переписке К. А. Булавина с кубанскими казаками. Реализовать замысел перехода повстанцев на Кубань довелось уже И. Некрасову, виднейшему сподвижнику Булавина. Отступая на Кубань в условиях преследования, казаки, по всей видимости, не имели в отношении себя и членов своих семей гарантий безопасности – ни со стороны крымского хана, ни

со стороны администраций османских крепостей Северо-Западного Кавказа.

Успешный уход казаков-некрасовцев и их первые годы пребывания на Кубани вызвал серьезное беспокойство российских властей возможностью продолжения «Булавинщины» при опоре на земли, подвластные хану. Попытки добиться выдачи казаков И. Некрасова успеха не принесли, а по итогам русско-турецкой войны 1710–1711 гг. Россия отказалась от таких попыток навсегда. Свою роль здесь сыграла позиция султанского двора. Все факты говорят о том, что *принципиально* султан Ахмед III поддержал позицию Девлет-Гирея II по «казачьему вопросу». Первоначально казаки И. Некрасова проживали в Закубанье. Обнаружены новые свидетельства, уточняющие локализацию их первоначального пребывания в регионе. Выбор казаками места для проживания позволил им весьма быстро пройти начальный этап адаптации, освоиться, и вступить в контакты, обретая новый социальный опыт, с местным ногайским населением, найдя механизмы реализации с ними договорных отношений.

В ходе русско-турецкой войны 1710–1711 гг. казаки приняли активное участие в военных кампаниях Крымского ханства, завоевав доверие хана Девлет-Гирея II. После войны, когда определилась их судьба, согласно Прутскому и Адрианопольскому договорам, казаки Некрасова осваивают Правобережную Кубань, где на Таманском острове и под Ени-Копылом они возвели свои городки. Уже в ранний этап пребывания казаков И. Некрасова на Кубани, датируемый 1708–1712 гг., заложены основы их отношений с местным ногайским населением, правящей в Крыму династией Гиреев, турецкими султанами, «старыми» кубанскими казаками. Аргументировано мнение о том, что в эти же годы формируется основа для сакрализации в недалеком будущем личности Игната Некрасова. Успешное утверждение некрасовцев на Кубани и организация ими своей внутренней жизни была вызвана принятым ими решением о добровольном переходе под власть крымских ханов.

В основе такого коллективного служения лежали проверенные временем и несколькими поколениями казаков принципы верности, честности и ответственности. Со стороны крымской ханской власти не выявлено случаев ограничения самостоятельности казачества в деле организации их внутренней жизни или преследования казаков. Ханы ценили казаков, заботились о них, казаки, в свою очередь, являлись верноподданными Гиреев. Полнота прав казаков была связана с их коллективной ответственностью по отношению к своим обязанностям. Большинство основанных ка-

заками городков просуществовало вплоть до падения Крымского ханства. Уже в первой половине XVIII в. казаки развили активную хозяйственную деятельность. Они занимались скотоводством, а география рыбного промысла казаков достигла Подунавья. Подобные факты тоже свидетельствуют о благоприятных условиях их проживания на Кубани, причем они сумели наладить отношения не только с ханами, но и с местными элитами, включая кубанских сераскиров.

Казаки-некрасовцы принимали самое активное участие в русско-турецких войнах XVIII в. и в военных кампаниях Крымского ханства. В ходе войн совершенствовалось воинское искусство казаков, но вместе с тем они несли тяжелые потери. Развитие кубанского казачества, постоянно поддерживаемого крымскими ханами, привело к образованию единого Кубанского (ханского) казачьего войска, традиции которого казаки сохраняли позже в Османской империи. Наименование Кубанского (ханского) войска, а сообщества казаков региона – кубанским казачеством – стало со временем выражать один из уровней коллективной идентичности казаков. Кубанское (ханское) войско существовало, имея соответствующие атрибуты войсковой организационной формы. Сделан вывод о традиционном характере действий казаков по созданию привычной для них формы социальной организации – войска.

В процессе освоения пространства Крымского ханства, организации своей жизни кубанские казаки уверенно вышли на «османский ориентир». Контакты казаков с Азовом и Стамбулом носили для них не случайный и далеко не единичный характер. Османы, как и Гирейи, также поддержали в XVIII в. казаков-некрасовцев – есть сведения, что о казаках И. Некрасова и лично о нем знал султан Ахмед III. Обнаружены и введены в научный оборот новые факты из истории отношений кубанских казаков с султанским двором и крымскими ханами в 1750-е гг. Не стали турки-османы препятствовать постепенному переселению казаков в Европейскую Турцию – Подунавье. Причины, которые заставили казаков думать об оставлении Кубани, крылись в кризисных явлениях внутри самого кубанского казачества как сообщества далеко не монолитного. Перед событиями русско-турецкой войны 1768–1774 гг. отношения казаков с крымскими и кубанскими властями принципиально не изменились, им продолжали доверять, используя как силу на различных направлениях. Военная активность казаков во второй половине XVIII в. при этом не снизилась, несмотря на кризисные явления в Кубанском (хан-

ском) казачьем войске и частичное переселение казаков на Дунай в середине XVIII в.

Кубань относилась к крупнейшим центрам старообрядчества в XVIII в. на территории Османской империи, Крымского ханства, Речи Посполитой и России. Это стало возможно благодаря активной позиции местных казаков-старообрядцев и конфессиональной политике Гиреев. На Кубани казакам были предоставлены самые благоприятные условия для организации своей религиозной жизни. Это обстоятельство обеспечивало притягательность Кубани для старообрядцев, среди которых были не только казаки, а причины их ухода не исчерпывались лишь «некрасовской агитацией». Мотивация старообрядцев к уходу именно на Кубань включала в себя образы «воображаемой географии», религиозно-этических оценок осваиваемого пространства, старообрядческой эсхатологии.

Приведены новые факты из истории поддержки не только ханами, но и султанским двором религиозных запросов старообрядцев Крымского ханства. Показано, каким образом активная позиция казаков позволила им, наладив диалог с мусульманскими правителями, выстроить с другими старообрядцами собственных прочных «социальных сетей». Эти сети сформировались благодаря усилиям всех заинтересованных сторон – властей, самих старообрядцев, общавшихся друг с другом за сотни километров. В итоге сделан вывод о том, что старообрядческая (Древлеправославная) Церковь переживала на Северо-Западном Кавказе расцвет, особенно в середине XVIII в.

С привлечением новых источников решен вопрос о последствиях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в судьбе кубанских казаков-некрасовцев. Несмотря на противоречивое отношение казаков к возможностям своего возвращения в Россию, поскольку предложения со стороны царизма имели конкретный характер, они в итоге избрали другой путь. С падением могущества Крымского ханства в глазах некрасовцев рушился и традиционный миропорядок, отношение к которому подкреплялось в их сообществе сильной культурной традицией. Кризис государства Гиреев, хотя и совпал с углубившимся расколом внутри казачьего сообщества, к возвращению некрасовцев в Россию не привел. Массовое переселение казаков в Османскую империю (Анатолию и Подунавье) вполне укладывается в логику поведения казаков, строивших новые перспективные планы организации своей жизни. Подробное освещение получила география переселения в Анатолию и Румелию некрасовцев, скрывавшихся в Закубанье после акции против них в сентябре 1777 г. В пределах

Османской империи в конце XVIII в. казаки чувствовали себя достаточно уверенно. Полагаем, что казаки по своему желанию могли оставаться в Анатолии или отправляться на Дунай. События русско-турецкой войны 1787–1791 гг. показали, что султанам казаки служили на тех же основах, как прежде крымским ханам, что свою жизнь теперь они окончательно и прочно связали с Османской империей. Получены новые данные об участии казаков-некрасовцев в событиях указанной войны.

В пограничной ситуации последней четверти XVIII в. центр османских владений на Северо-Западном Кавказе переместился в Анапу. Эта крепость становится центром притяжения для различных групп казаков, включая беглецов из Черноморского казачьего войска. В истории казачьих сообществ региона, в том числе казаков-черноморцев, Анапа играла в то время большую роль. Среди казаков-черноморцев, а также в регулярных войсках находились люди, по разным причинам бежавшие в Анапу. В крепости такие беглецы могли рассчитывать на различные варианты адаптации и налаживания дальнейшей жизни. Переход в мусульманство чаще всего не был условием, которое навязывалось им. Зачастую анапские паши отказывались выдавать перебежчиков российской стороне, некоторые из которых затем попадали в Анатолию. Поддержка анапских пашей оказала благотворное влияние также на положение небольшой группы некрасовцев, проживавшей в конце XVIII в. в Закубанье, в Анапе и имевшей прочные связи с Анатолией.

В диссертации проанализированы возможности архивохранилищ Турецкой Республики по изучению темы диссертационного исследования. Акцент сделан на использовании фондов двух крупнейших архив Турции – Торкарı Sarayı Müzesi, Başbakanlık Osmanlı Arşivi, расположенных в Стамбуле. Найдены новые документы по истории донского казачества, казаков-некрасовцев, неизвестные раньше отечественным специалистам. Как считает автор, по мере дальнейшего изучения документов из фондов отечественных архивов, имеющих отношение к вопросам казачьей истории, значение восточных источников будет возрастать.

Список работ автора, опубликованных по теме диссертации

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационного исследования:

1. Воображаемая география и имперский дискурс: практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 146–160.
2. Начальный этап адаптации донских казаков на территории Крымского ханства (1708–1712 гг.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. Ростов н/Д, 2008. № 4. С. 73–83.
3. Дщерь Петрова и «ахреяне». Как крымский хан помог казакам найти Землю обетованную // Родина. Российский исторический журнал. 2009. № 2. С. 104–106.
4. Отношения булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 89–96.
5. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2. С. 49–51.
6. Фронтир в истории черноморского казачества: некоторые факторы освоения пространства // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4.
7. Из истории освоения славянами Северного Кавказа и распространения старообрядчества в регионе (конец XVII–XVIII век) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. Ростов н/Д, 2009. № 4. С. 42–46.
8. Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII – XVIII в. // Российская история. 2009. № 6.

Иные публикации

Монографии

1. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2001 (22,52 п. л.).
2. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. Изд. 2-е, испр. и доп. (18 п. л.).
3. Память жива в веках. Возвращение к истокам: об участии казаков в войнах XVIII–XX вв. Краснодар, 2006. Глава 1 (в соавторстве с А. А. Пригариным, А. Н. Малукало) (2,4 п. л.).

4. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009 (18 п. л.).

Статьи

1. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и переселение казаков-некрасовцев в Османскую империю // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар. 2000. № 1–2. С. 11–17.
2. Казаки-некрасовцы в Османской империи: динамика религиозных воззрений // Проблемы изучения и развития казачьей культуры: матер. науч.-практ. конф. Майкоп. 2000. С. 65–73.
3. Эмиграция казаков-старообрядцев в Крымское ханство: к истории формирования кубанского казачества в начале XVIII в. // Христианство и христианская культура в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе: тематич. сб. науч. ст. / под ред. Т. С. Рудиченко. Ростов н/Д, 2000. С. 39–52.
4. Кубанское казачество: условия формирования и пополнения: (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих сообществ) // Социальная организация и обычное право: матер. науч. конф. (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001. С. 193–214.
5. «А есть ли царь наш не станет жаловать... мы войском от него отложимся и будем милости просить у высшего творца.., а также и у турецкого царя...» (некоторые дискуссионные вопросы о роли России в становлении и развитии казачьих сообществ) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2003. № 3–4. С. 21–24.
6. «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. М., 2004. № 5. С. 52–55.
7. Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых ватаг к ханскому казачьему войску (некоторые теоретические аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Липоване. История и культура русских-старообрядцев. Вып. 2. Одесса, 2005. С. 9–24.
8. Казаки Крымского ханства: малоизученные аспекты расселения (конец XVII в. – 1770-е гг.) // Сборник Русского исторического общества. М., 2006. С. 167–174. Т. 10.
9. Воссияло светом древнего благочестия... Крымское ханство» (к вопросу об условиях и особенностях распространения православия на

Дону и Северо-Западном Кавказе в Новое время) // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 2006. С. 201–208.

10. Казаки Крымского ханства: от первых ватаг к казачьему войску (Некоторые дискуссионные аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. статей. Ростов н/Д, 2006. С. 169–187.
11. Казачество Северного Кавказа во второй половине XVII–XVIII вв.: некоторые итоги и перспективы изучения темы в контексте актуальных проблем региональной истории // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска): матер. Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 230–234.
12. Дискурс империй, казачество и региональные особенности управления Россией пограничными территориями: Фанагория–Черноморья–Кубань // В. Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России: матер. междунар. науч. конф. Астрахань, 2006. С. 178–183.
13. «Черноморья» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические аспекты изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII в. – начала XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006. С. 379–395.
14. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа после церковного раскола: религиозный неконформизм и стратегии выживания // Память жива в веках: военная история кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): матер. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 39–44.
15. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII–XVIII вв.: практики взаимоотношений фронтальных сообществ с мусульманскими государствами Причерноморья (в контексте задач и перспектив изучения международных отношений в регионе) // Историческое знание Кубани: становление и тенденции развития (конец XVIII – начало XX в.): матер. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 81–88.
16. Воображение региона как колонизация: Кубань–Черноморья–Кубань (практики Российской империи на Северо-Западном Кавказе в конце

- XVIII– середине XIX вв.). Ч. 1. «Преодоление» Татарию // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: матер. междунар. науч. конф. Ставрополь–Пятигорск–Москва, 2007. С. 360–368.
17. Дискурс империй и актуальные проблемы истории Северо-Западного Кавказа второй половины XVIII в. – начала XIX в. (проблемы и перспективы теоретического изучения) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под. ред. Ю. А. Стецурь. Армавир, 2007. С. 30–45.
 18. Козацтво Дону і Північно-Західного Кавказу в кінці XVII–XVIII ст.: практики взаємовідносин прикордонних спільнот з мусульманськими державами Причорномор'я // Український історичний збірник / гол. ред. Т. Чухліб. Вип.10. Київ, 2007. С. 59–64.
 19. Воображение региона как колонизация: Кубань–Черноморья–Кубань (практики Российской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – середине XIX в.) // Лавровский сборник: матер. Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007 / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стаевич. СПб., 2007. С. 63–68.
 20. Воображаемая география в дискурсе империй: из истории «русификации» Причерноморья в конце 18 века // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 7. Київ, С. 345–362.
 21. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII в. – XVIII в.: практики взаимоотношений фронтальных сообществ с мусульманскими государствами Причерноморья (в контексте задач и перспектив изучения международных отношений в регионе) // Кавказ в российской политике: история и современность: матер. междунар. науч. конф. М., 2007. С. 35–48.
 22. Некоторые аспекты социальной адаптации некрасовских казаков на территории Крымского ханства в XVIII веке // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа в исторической ретроспективе: сб. матер. VII научно-практ. конф. Краснодар, 2007. С. 90–95.
 23. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа во второй половине XVII – XVIII в.: от противостояния с Москвой к развитию практик отношений с мусульманскими государствами Причерноморья. Некоторые итоги и перспективы темы // Итоги фольклорно-этнографических

- исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Дикаревские чтения (13). Краснодар, 2007. С. 282–296.
24. Панславизм Михала Чайковского и история казачества в Османской империи // Поляки в истории России: история и современность Краснодар, 2007. С. 147–160 (в соавт. с А. А. Пригариним, М. А. Волхонским).
 25. Казачество Дона и Северного Кавказа в «турецком зеркале» своей истории // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2007. С. 51–66.
 26. Славянское население Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII – начале XVIII в.: к вопросу о новых практиках освоения пространства и преодоления «границы миров» (на примере казачьих сообществ) // Славянские форумы и проблемы славяноведения: сб. ст. / отв. ред. М. Ю. Досталь, И. В. Крючков. М., Ставрополь, 2008. С. 154–168.
 27. Новейшие находки по истории России и Европы в архивах Турецкой Республики // Архивное востоковедение: тез. междунар. науч. конф. М., 2008. С. 89–90.
 28. Переселение кубанских казаков-некрасовцев в Османскую империю в XVIII в.: дискуссия, новые источники, перспективы изучения // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / ред.-сост. А. А. Пригарин. Вып. 5. Одесса, 2008. С. 23–38.
 29. Початковий етап соціальної адаптації козаків-некрасівців на території Кримського ханства: його роль і значення в історії кубанського козацтва (1708–1712) // Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень. Вип. 4. Дніпропетровськ, 2008. С. 61–71.
 30. «Преодоление границы миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новые практики казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII в. – начало XIX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 83–104.
 31. «На Кубани расколщиком жить хорошо...»: Из истории формирования «социальных сетей» старообрядцев России и Крымского ханства (середина XVIII в.) // Фелицынские чтения (X): Матер. межрегион. науч. конф. Краснодар, 2008. С. 136–144.

32. Казачьи сообщества Причерноморья в конце XVIII в.: исторический опыт и новые «вызовы» линейного пространства империй // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2008. С. 276–281.
33. Казачество Кубани в конце XVII в.: новые свидетельства об участии в кампаниях Крымского ханства турецкого Азова // Полиэтнический макро-регион: язык, культура, политика, экономика: тезисы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д, 2008. С. 278–281.
34. «Нам тут на Аграхани жить не тесно...»: із історії початкового етапу освоєння донським козацтвом Північного Кавказу в кінці XVII ст. // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України: Зб. наук. прац. Вип. 3. Одеса, 2008. С. 16–27.
35. Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII – начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350-LECIE UNII HADZIACKIEJ (1658–2008) / pod. red. Teresy Chynczewskiej-Hennel, Piotra Krolla i Nagielskiego. Warszawa, 2008. S. 531–550.
36. «Нам тут на Аграхани жить не тесно...»: из истории начального этапа освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // Кавказский сборник. М., 2008. С. 10–24. Т. 5 (37).
37. Проблема стабилизации российско-турецкого порубежья первой трети XVIII в. и роль элит Крымского ханства: кубанский султан Бахты-Гирей // Востокведные исследования в Калмыкии: сб. науч. трудов. Вып. 4. Элиста, 2008. С. 82–111 (в соавт. с В. В. Грибовским).
38. Mihail Ceacovschi și epoca sa // Magazin istoric. Anul XLIII – serie nouă – nr. 6 (507) iunie. 2009. P. 53–57 (в соавт. с А. А. Пригариным).
39. Некоторые дискуссионные вопросы роли Азова в истории казачьих сообществ Дона и Северного Кавказа (конец XVII в. – начало XVIII в.) // Исторический вестник. Вып. 8. Нальчик, 2009. С. 122–137.

Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.1999.

Подписано в печать 13.11.2009.

Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 3,50. Усл. печ. л. 3,25.

Тираж 120 экз.

Издательство Южного федерального университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел.: (863) 264-00-19.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга».
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

